

Сергей Панченко

ЖОРЖ 2 иномирец

ИДДК

Сергей Анатольевич Панченко
Жорж иномирец 2
Серия «Жорж иномирец», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56870753
Сергей Панченко. "Жорж иномирец. Книга 2": ИДДК; 2025

Аннотация

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ ТАБАКОКУРЕНИЯ. КУРЕНИЕ УБИВАЕТ.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ ИНФОРМАЦИЮ О НАРКОТИЧЕСКИХ ИЛИ ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВАХ, УПОТРЕБЛЕНИЕ КОТОРЫХ ОПАСНО ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ВЛЕЧЕТ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

"Жорж иномирец" – фантастический роман Сергея Панченко, вторая книга одноименного цикла, жанр попаданцы в другие миры, юмористическая фантастика, боевая фантастика.

Когда тебе кажется, что научился всему и теперь готов снимать гешефт со своего умения, судьба непременно подсунет тебе

ученика, или несколько учеников, ибо знания нам даются не для того, чтобы хранить их, знаниями надо делиться.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	29
Глава 3	54
Глава 4	77
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Сергей Панченко

Жорж иномирец. Книга 2

© Панченко Сергей

© ИДДК

* * *

Глава 1

– А что, были ли у вас случаи, когда ударившийся головой пациент получал воображаемый опыт, который с успехом использовал по возвращении в сознание, а? – Этот вопрос мучил меня сильнее всего. Налицо была демонстрация возможностей перехода по мирам, оставалось понять, насколько материальными были мои друзья, Ляля и Антош.

– Вы знаете, такие случаи бывали. Лично я не встречался с таким, но несколько случаев задокументированы. Некоторые люди после травмы головы начинали разговаривать на другом языке, как на родном.

– Это я слышал. Мне интересен еще и такой момент: за те минуты, что я был в отключке, я прожил целую жизнь. Такое случалось?

– Не знаю, не слышал. Наверное, подобное возможно. Говорят, перед смертью человек успеваеt увидеть всю свою жизнь перед глазами.

– Это не то, это была другая жизнь – моя, но другая.

Кажется, я заморочил голову несчастным врачам скорой помощи своими недомолвками и намеками. Если бы не инопланетный пейзаж за окном машины, они бы уже давно отправили меня на проверку к мозгоправу.

– А все-таки хорошо, что я могу ходить по мирам. Представляю, каково ваше искушение назвать меня дураком, пси-

хом, больным, если бы не это. – Я махнул в сторону лун. – Будь мы дома, вы бы считали себя правыми, даже не усомнились бы в этом. А я вам еще такого могу показать...

– Не надо, спасибо! – взмолился врач – тот, что интересовался моим состоянием, пока я лежал в машине. – Отвезите нас домой.

– Домой? А вы не знаете, что такое дом, я уверен. Вы как испуганное животное, которое всю жизнь сидело на привязи, а когда с вас сняли ошейник, вам стало страшно и захотелось снова на привязь. Вы дома сейчас. Весь мир – один большой дом. Если вы будете отвергать эту мысль, то мир отторгнет вас.

– Отторгните нас домой, – жалобно попросил врач.

– Эх, приматы... – Я открыл дверь и вышел наружу.

Мне пришла мысль о том, что если все варианты в этом мире возможны, то и мои друзья в них должны существовать, даже несмотря на то, что до этого мы встречались только в моем больном воображении. Мы обещали друг другу встретиться в том мире с речкой и лопухами по берегам. Смогу ли я попасть в тот мир, в который хочу? Что делать с врачами скорой помощи? Одна часть меня была за то, чтобы вернуть несчастных «животных» назад, в привычный плен иллюзий. Вторая часть настаивала на том, чтобы насильно заставить людей пережить ломку изменения сознания. Возиться с ними не хотелось, но кто-то свыше не так просто подсунул их мне.

– Дома нет, – повернулся я и произнес тяжелую для потерянных людей фразу. – Вернее, дом будет только тогда, когда вы сами сможете вернуться. Иначе никак.

– У меня больная мать. Я должен за ней ухаживать.

– Давя на жалость, ты хочешь выставить меня бесчувственным скотом. Жалко маму, если это правда, но пусть эта необходимость быть рядом с ней стимулирует тебя в умении ходить по мирам.

– Как вас... Игорь, кажется? Будьте снисходительны, сделайте так, чтобы я вернулся домой, прошу. – У врача затрясся подбородок, а в глазах заблестели слезы.

– Хорошо, кто еще добровольно желает остаться в иллюзиях привычного, которые вам дарит клетка вашего примитивного воображения?

Водитель и второй врач неуверенно подняли руки.

– Единогласно. Агитация – это не мое, – вздохнул я. – Полки за собой мне никогда не повести. А может, и не попасть в Транзабар через доброту свою. Эй, водитель кареты, сидай за баранку, поедем на место ДТП.

Дважды упрашивать его не пришлось. Я сел в кабину рядом с ним.

– Куда ехать? – спросил водитель.

В его ситуации вопрос был закономерным.

– А это, как говорится, значения не имеет. Главное – движение.

– Так все же: вперед или назад?

– Как-то пошло звучит ваше предложение. Дави на газ, батя, остальное я сделаю сам.

Водитель – немолодой, усатый, типичный такой шофер, от которого вечно пахнет бензином, а ладони в прожилках вьезшегося машинного масла, – осторожно тронулся по кочковатой поверхности этого мира. Мне не составило труда представить свою разбитую машину на дороге. Сознание быстро зацепилось за воображаемую картинку.

– Ох ты, е-мое! – испуганно вскрикнул водитель и вильнул рулем, уворачиваясь от встречного автомобиля, внезапно возникшего вместе с дорогой. – Дорога. Опять.

Моя машина моргала аварийкой на том же месте. Возле нее стояла легковушка с включенным светом. Рядом с разбитой машиной топтался человек. Он ладонью прикрыл глаза от света, когда его осветила карета скорой помощи.

– Вот мы и дома, трусы. Живите как жили и сожалейте, что упустили такую возможность. – Я вылез из кабины не прощаясь. – Езжайте.

Скорая включила поворотник, объехала останки моего автомобиля и помчалась по шоссе.

– Здравствуйте, – полез ко мне здороваться любопытный мужик.

– Здорово. Чего ты заглядывал в нее?

– Просто. Меня попросили покараулить, пока не приедет эвакуатор. Слоняюсь от безделья, жду.

– Эвакуатор? А кто тебя попросил? Гаишники?

– Нет. Женщина, жена водителя. Она решила поехать с ним в больницу. Представляете, корова среди ночи перебежала дорогу, ударилась прямо в сторону водителя.

– Постой, постой, друг, какая женщина? Это я ехал в машине. Смотри, вот мне наложили повязку парни из скорой. Не было тут женщины, а тем более жены. Я хоть и приложился головой, но не настолько, чтобы не помнить таких подробностей.

Мужчина недоверчиво взглянул на меня, включил фонарь на телефоне и рассмотрел меня и мои раны.

– Была женщина, я-то не ударялся, – настаивал он.

– Смотри. – Я достал документы на машину. – Сличай.

Мужчина посмотрел свидетельство о регистрации, затем посветил на номер автомобиля.

– Это не ваш автомобиль. Номера другие. И что это за регион такой на вашем свидетельстве?

Меня начало пробирать неприятное предчувствие. Теперь уже я сверил номера, чтобы убедиться в своих подозрениях. Номера оказались не моими, да и вообще они были не такими, какими пользовались в моей стране.

– Твою мать! – Я схватился за голову. – Что делать-то теперь?

– А что, тут поблизости была еще одна авария? Вы тоже сбили корову?

– Какую корову, я людей высадил не там, понимаешь?

– Не-е-ет.

– Слушай, надо догнать скорую, которая меня высадила.

Поехали, я тебе хорошо заплачу.

– Не поеду, мужик. Мне надо ждать эвакуатор.

– Да на хрена он... черт... как я сразу... Дай ключи от машины, я сам догоню.

– Ты сдурел? Не дам, даже и не думай. Ты не в себе.

– Ага, а ты в себе, умник.

– Слушайте, если вы не успокоитесь, я вызову полицию и санитаров. Отойдите от меня подальше, иначе... – Это существо с зачатками разума вынуло пистолет и направило его на меня. – Десять шагов, подойдете ближе – я выстрелю. Закон на моей стороне.

Я не был быстрее пули, поэтому на всякий случай отошел на требуемую дистанцию. Остыв немного, пришел к выводу, что врачи, поняв, что находятся не совсем в том мире, в котором должны, вернутся на это место, чтобы найти меня. Я – их единственный шанс попасть домой, и они обязательно придут к этому заключению. А как хотелось плюнуть на них с большой колокольни и отправиться на зеленую травку, где верный друг Антош уже нежит свое изумрудное пресмыкающееся тело под теплыми лучами солнца. Обняться, как старым друзьям, и отправиться в древесный мир Ляли, которая плачет от беспомощности за окном родительского дома. При всей своей свободе поступать как хочется я не мог бросить ненамеренно обманутых мною людей.

Я ушел в тень и стал ждать возвращения врачей. Челю-

век, пообещавший караулить эвакуатор, потеряв меня из виду, потерял и покой. Я его видел, потому что он находился на свету, а он меня – нет. Он дергался на каждый подозрительный шум, решив, что я задумал какую-то подлость. Так можно и нервное расстройство заработать.

– Эй, чатланин! – Я вышел на свет. – Расслабься.

– Не понимаю, о ком вы, – обиделся туземец.

Конечно, всё он понимал, просто не хотел признаваться в этом.

– Между нами, конечно, всякому я не стал бы болтать о таком, – я выдержал театральную паузу, – я из другого мира. Ошибся немного, дал маху, не учел какие-то нюансы, и вот почти такой же мир, как и мой родной, но не совсем.

– Вам уже ввели транквилизаторы? – не теряя бдительности, осведомился туземец.

– Ввели что-то, но это никак не могло... – Я замолк. А ведь препараты действительно могли повлиять на мое воображение и в конечном итоге – на результат перемещения. – А ты прав, чатланин.

– Я не чатланин.

– Да кем бы ты ни был, я всё равно не буду приседать перед тобой.

Где-то вдалеке горизонт осветили ритмичные вспышки. Спустя несколько секунд они показались в поле зрения. Это были не единичные вспышки, а целая гирлянда разноцветных огней. Они приближались, и вскоре к световому шоу до-

бавился еще и звук: какофония воющих сирен.

– Едут, – произнес я. – Спешат.

– Кто это? – спросил туземец, пряча пистолет за пазуху.

– Это мои земляки, только, кажется, они заказали себе кортеж. Только бы им не начали стрелять по колесам.

Мне сразу вспомнились первые попытки перемещений по мирам, которые совершал Антош. Любой мир, в котором мы оказывались, будто специально старался избавиться от ино-родного тела. Потребовалась трансформация сознания, чтобы превратить себя в дружественную клетку. Откуда у этих врачей могли взяться такие знания?

Я встал на обочине и принялся махать руками, чтобы водитель скорой вовремя меня заметил. Гудящая вразнобой «гусеница» приближалась, распугивая встречные автомобили.

Меня уже слепил дальний свет фар. Я начал прыгать на месте, надеясь, что так становлюсь еще приметнее. Вой тормозящей об асфальт резины подтвердил мои предположения. Меня заметили. Яркие фары замерли в метре от меня. В их свет полез сизый дым стершихся покрышек.

– Прыгай! – раздался надсадный крик водителя.

Я сиганул в открытую дверь за миг до того момента, как полицейская машина должна была снести ее.

– Езжай! – крикнул я.

Никто больше не задавал мне дурацких вопросов про направление движения. Водитель вжал педаль газа и бросил

сцепление. Машина, несмотря на многотонный вес, прыгнула вперед, засвистев покрышками по асфальту. Мгновение – и шум сирен стих. Перед нами снова находилась пустая черная лента дороги.

– Ты куда нас... ты зачем это... ты... мы... Нас чуть в кутузку не заперли! – Усатый водила с трудом подбирал слова из-за сильного волнения.

– Я ошибся, совсем немного. Вы накачали меня какими-то препаратами, вот и погрешность. Успокойся, такое бывает. Думаешь, когда существует бесчисленное повторение миров, так легко снова попасть в свой? Математически это вообще невозможно, надо тренировать чутье, интуицию и прочие нерациональные части сознания. А вы еще сами фоните своим воображением.

– А сейчас мы где?

– Без понятия. Я только представил себе чистую дорогу, без машин. И без людей на всякий случай. Времени не было фантазировать с воображением.

– Друг, пожалуйста, верни нас на место.

– Верну, обязательно. Кстати, мы уже довольно долго вместе, а еще не познакомились. Скомканно как-то у нас все получилось. Меня зовут Жорж.

– Э-э-э, Борис, Боря. – Водитель протянул мне вспотевшую ладонь.

– Очень приятно.

– Ну-у-у, честно сказать, мне не очень. Как знал, что не

стоило сегодня выходить, да друг попросил подменить, скотина.

– Борис, ты неправ, ты еще сто раз поблагодаришь меня за этот день, как я благодарю Вольдемара, моего нечаянного проводника. – Я вздохнул. – Даже если его сейчас пытаются сатиры самым непотребным образом.

– О чем ты?

– Припаркуй на обочине, мне надо собраться с мыслями.

Борис включил поворотник и остановился на обочине, поросшей жесткой выющейся травой. Открылось окошко, через которое врачи, сидящие в салоне машины, переговаривались с шофером.

– Мы на месте? – спросил один из них.

– Смотря в каком, – ответил я. – Знаете, на собственном примере могу сказать, что новичков всегда ждет большая задница. С одной стороны, это плохо, потому что страшно и можно умереть, а с другой – это возможность гиперскоростного вникания в матчасть.

– Значит, мы еще не на месте?

– Я бы не стал гнать коней в вашем случае, иначе это будет похоже на бесконечный бег от снежной лавины. Это точно не Земля. У вас есть нашатырь? Немного аммиака для ясности ума мне не помешает.

– Конечно. – Врач зашумел вещами и вскоре передал мне влажную ватку. – Вдохните.

Я так и сделал. Острый запах мочи ледяным душем про-

шелся по мозгам. Выводы, которые пришли следом, я бы не стал высказывать вслух. Кажется, дорога домой нам была заказана. Всем, кого судьба вырвала из родного мира, предстоял только один путь вернуться – это научиться самостоятельно передвигаться по мирам. Я был почти уверен, что, бросив эту компанию, вернусь домой без всяких проблем, однако с ними этого точно не получится. А что мне теперь оставалось делать? Врать им каждый раз, когда очередной мир окажется копией? Или бросить их к чертовой бабушке, чтобы они самостоятельно выбирались? Нет! Для этого и существовал Транзабар, откуда для каждого начинался его путь к дому.

Я открыл дверь, чтобы впустить немного свежего воздуха. Он оказался не таким уж и свежим: пах гарью и машинным маслом. Вкупе с темной непроглядной ночью этот запах заставлял представить нас в огромном гараже.

– Воняет, – сообщил Борис и дернул рычаг переключения света, чтобы включить дальний. – Ах ты ж, блин... – Он отпустил переключатель раньше, чем я успел заметить, что его так напугало.

– Что там?

– Не хочу снова на это смотреть.

– Давай включай, я должен это видеть.

Он снова включил. Яркий свет фар выхватил из темноты человекообразные фигуры, похожие на скелеты, отсвечивающие металлом. У каждого в руках находилось оружие. Они застыли как памятники, жуткие памятники охотникам

на людей.

– Это же роботы, – догадался Борис. – Как из «Терминатора». Мужики! – крикнул он внутрь салона. – Гляньте, у нас тут роботы.

«Железяки» казались отключенными. Следов поражения на них с такого расстояния видно не было. Роботы стояли на своих двоих, будто их просто выключили.

– Наверное, аккумуляторы сели, – предположил Борис.

– А если у них отрубилась программа? – откликнулся я. – Мне всегда было интересно, чем бы занималась «Скайнет» после того, как уничтожила всех людей? Люди были причиной ее существования, она развивалась, выдумывала, эволюционировала, чтобы справиться с ними – в смысле с нами, – а потом хлоп, и побуждающей причины не осталось. А она же автомат! По идее, должна отрубиться за ненужностью.

– Не факт! – раздался голос из окошка. – Скайнет умела создавать живые ткани, значит, могла придумать, как выращивать людей искусственным способом.

– Зачем?

– Чтобы снова воевать с людьми, чтобы у ее существования был смысл. Она бы потихоньку сливала людям информацию, как победить предыдущие образцы терминаторов, а сама придумывала бы новые.

– Их бы в автослесарей перепрограммировать, цены бы им не было. Сейчас ведь нормального нерукожопого парня и не найти. Одни эти, как их, хипстеры, в телефоны на себя

смотрят, нарциссы.

– Борис, думаю, такой автослесарь будет всегда вызывать некоторый страх: а ну как сбой в программе – и всё. «Ты Сара Коннор?» И бум, бум, бум.

– Ой, а что это они? – Борис сполз по спинке кресла.

Кажется, мы оживили киборгов своим появлением. Они зашевелились. Свет фар отразился в их глазницах пугающими красными отблесками.

– Борис, гони!

Скорая помощь, взвизгнув покрывками, помчалась навстречу роботам. Железные охотники на людей едва успели вскинуть оружие, прежде чем мы растворились в пространстве. Все же один луч лазерного залпа прожег в борту дыру, на что из салона раздался дружный крик.

Машина выскочила на белый песок небольшого островка между двумя рукавами реки. В этом мире начался весенний ледоход. Серые льдины шумно сшибались между собою, наползали друг на друга. Борис огляделся, затем достал грязную тряпку, вытер ею вспотевшие ладони, после чего утер лицо, оставив на нем пыльные следы.

– Как тебя, забыл...

– Жорж, – напомнил я.

– Жорж, заканчивай нас пугать, хватит уже, напугались.

– Иди глянь, что у нас тут, – раздалось из салона. – Борис Леонидыч, тебе за эту дыру достанется.

Я выбрался наружу. В воздухе пахло весной и речкой.

Солнце только начинало греть, поэтому ветер охлаждал, пробираясь под одежду. В борту зияла дыра, из которой выглядывал глаз одного из врачей. Потекшая вниз большая капля расплавленного металла еще дымилась. Глаз сменился ртом.

– Как объяснить появление прожженной дырки?

– Надо было снять на камеру, вопросы бы и отпали, – предложил я.

– У меня же регистратор снимал! – Борис хлопнул себя по лбу. – Ну-ка, посмотрим, что он снял.

Врачи сбежались посмотреть на запись. На маленьком экране регистратора можно было разглядеть нечеткие фигурки, одна из которых успевает выпустить яркую вспышку, почти совпавшую с внезапным наступлением яркого дня.

– Да уж, с учетом того, насколько люди у нас склонны брать что-либо на веру, вас скорее заподозрят в увлечении фотошопом, чем поверят в эту запись.

– Может и такое быть. Не поверят – отвезу на телевидение или выложу в интернет. – Борис вернул регистратор на место.

– Вообще-то это круто, – эмоционально произнес самый молодой врач скорой помощи. – А что, как-то можно выбрать любой мир, который придумаешь?

– Ну, визуально – да, любой, но вот что будет уроком для тебя в этом мире – неизвестно. Вот если бы я был уверен, что всё пережитое мною именно так и есть, то первые дни в ми-

рах для тебя – просто бег от смерти. Миры хотят убить тебя, потому что чувствуют, что ты на другой волне, ты думаешь по-старому, и это заставляет их отторгать тебя. Кажется, я это уже говорил?

– Уже не раз, – подтвердил другой врач.

– Слушай, а нельзя ли попасть в такой мир, где все женщины безумно красивы, а мужиков так мало, что любой вызывает у них непреодолимое желание... – Молодой врач принялся подыскивать подходящее слово: —...совокупиться?

– Ясно, у нашего Вени спермотоксикоз начался.

– Легко. Мой проводник, который вытянул меня из моего мира, на том и попался.

– Жорж, а можно прежде, чем мы отправимся домой, попасть в такой мир?

– Я бы не советовал.

В лицо мне дохнуло холодным порывом ветра. Я выглянул из-за машины и увидел стремительно приближающуюся серую стену изо льда и воды.

– Борис, за руль! – крикнул я ему, на ходу соображая, какой мир выбрать следующим.

Врачи, увидев приближающийся вал, без слов запрыгнули в машину. Земля тряслась под накатывающей многотонной кашей. Я смотрел в окно и видел, что у нас остаются секунды. Борис медлил, делая всё непростительно педантично. Я закрыл глаза и представил первое, что пришло на ум.

Машину ударило сзади. Из салона дуплетом раздался

крик. Я сильнее сжал веки, будто это могло как-то повлиять на скорость перемещения. Рядом с машиной прозвучал глухой удар и всплеск воды. Я осторожно открыл глаза. Напротив нас стояли несколько девиц в одеждах, едва прикрывающих их статные фигуры. Они были удивлены и напуганы, но не спешили убежать.

В стороны от машины растекались ручьи.

– Эй, кому там бабы были нужны, на выход! – произнес я в окошко.

– А? Что? Мы живы?

– Живы.

Я выбрался из кабины. Прямо за машиной лежал кусок льда, оставивший вмятину на боковине и дверцах. Девушки во все глаза смотрели на нас. Они были красивы – все как на подбор. Непохожи друг на друга, но у каждой лицо и фигура были выточены словно по спецзаказу, заставляя мужские гормоны устремляться в кровь.

– Ни фиги себе! – раздался приглушенный возглас Вениамина. – Я остаюсь.

Девушки будто расслышали его и дружно рассмеялись, обнажив ровные белые зубы, какие делают телезвездам.

– А кто вы такие? – спросила смуглянка с острым носиком и миндалевидными карими глазами.

– Мы заблудшие путники, спасались от опасностей, да вот попали к вам, – сообщил я.

Белокожая красавица с вьющимися соломенными локона-

ми и синими глазами посмотрела на меня так, словно я был принцем, да к тому же еще и небесной красоты. Я почувствовал ее интерес, и мне от этого стало жарко и пьяняще головокружительно. Девицы направились к нам, сразу же разбившись по интересам. Даже Борису нашлась пара не хуже остальных. Впрочем, выражение «хуже» там не шло никому, можно было заметить, что они разные и какая бы девица ни посмотрела на тебя, казалось, что краше ее быть не может.

– Привет, – с выдохом произнесла выбравшая меня девушка.

Ее голос мурашками пробежал от головы к пяткам, отметившись потеплением в чреслах, начинающих оживать.

– Привет, – ответил я и понял, что слышу свой голос со стороны, будто я пьян. – Ты очень красива.

Мои руки потянулись к ее телу. Она подалась навстречу и прижалась ко мне. От нее исходил аромат свежих трав и цветов. Любопытства ради я глянул на остальных. Веня гнал коней, дав волю рукам. Девушка не имела ничего против, подыгрывая его ухаживаниям. Борис, видимо, потерял сноровку и не знал, с чего начать: то ли взяться за грудь, то ли сперва поцеловать. Второй врач спрятался за машину, и мне не видно было, на какой стадии у него с партнершей взаимодействие.

Удивительно, но мне не хотелось думать о том, почему наши отношения форсируются со скоростью, слишком быстрой даже для публичного дома. Я растворился в ощущении

блаженства. Ни одной другой мысли в моей голове не было места. Любое умственное усилие могло испортить не испытанное мною ранее чувство.

Мои руки шарили по изгибам тела красотки, и казалось, что я отхожу в рай. Меня даже не испугал укол в область шеи. Напротив, он показался мне таким приятным. Я улыбнулся и открыл глаза. На меня смотрела мохнатая мордашка Ляли. В ее больших желтых глазах с черточками зрачков читалось явное неудовольствие от того, чем я занимаюсь.

– Ляля! – Я обрадовался ей и захотел подняться, но что-то удерживало меня. – Ляля, меня что-то держит? – спросил мой голос со стороны.

– Тебя держит твоя обезьянья глупость, – ответила она и показала клыки.

– Я не обезьяна, мы же договаривались.

– Ты не был ею, но стал.

– Нет, я человек, человек, мы все – люди. – Я начал корячиться, чтобы поговорить с Лялей, и с каждым моим движением происходящее вокруг меня начинало меняться.

Вместо Ляли я увидел окровавленное вокруг рта лицо красотки. Ее наполнившиеся безумной жадной жадью глаза. В шее у меня торчала трубка, из которой текла кровь, моя кровь. Рядом сидел Борис со стекленеющим взглядом. Выбравшая его девица жадно высасывала через трубку, как коктейль, несвежую кровь водителя.

– А ну-ка, сучки, вампирши хреновы! – Я встал на ноги и

отвесил пендаля красотке. Она испуганно отскочила и упала прямо на землю. – Устроили из меня «Кровавую Мэри»!

Я отвесил пинка второй. Кровопийца тоже упала, как за-
травленная хозяином собака, и злобно уставилась на меня. Кажется, они совсем не ожидали сопротивления. Третья подружка высасывала соки из довольного Вени. Я схватил ее за волосы и стукнул головой о борт машины. Вампирша потеряла сознание и мягко осела на песок. Из рта у нее потянулась струйка крови. Четвертая пара, уединившаяся за машиной, тоже не ждала меня. Врач с глупой физиономией благодарно принимал смерть от губ красотки. Я отшвырнул ее в сторону. Петр поднял на меня ничего не выражающий взгляд и упал навзничь.

– Дебилы! – Я пнул его, но в душе больше сердился на себя – из-за того, что был больше других подготовлен к встрече с подобным, но проморгал опасность.

Врачи лежали без движения, бледные, с бессмысленными улыбками на лице.

– Их смерть была бы желанной, – произнесла вампирша, облюбовавшая меня.

– А вы сейчас сдохнете нежеланной смертью, твари. – Я вынул монтировку из-под сиденья водителя и кинулся к девице.

Она спорхнула с места и бросилась бежать. Я с такой потерей крови не смог сделать и десяти шагов. Дыхание сбилось, в глазах потемнело. Еще несколько шагов, и можно бы-

ло потерять сознание. Остальные девицы, что были на ходу, тоже пустились наутек. Мне с огромным трудом удалось затолкать в салон студенистые безвольные тела врачей. Я сам сел за руль. Воображение моих спутников в настоящий момент не работало, и можно было попытаться обмануть природу, чтобы вернуться в родной мир.

Снова ночь и дорога. Разбитая машина все так же моргала «аварийкой». Если и этот мир окажется не тем, то стоило начать готовить мужиков к суровой правде или же тащить их всех в Транзабар и бросить там. Признаться, они мне уже надоели. Я совсем не хотел нянчиться с ними. Мои друзья наверняка заждались меня, по глупости оказавшегося в компании «обреченных».

Номер на машине оказался моим. Мне стало легче. Теперь точно не надо будет таскаться по мирам с ненужной ношей. Можно прямо сейчас спокойно уйти в мир с речкой и изумрудной травой. Наверняка Антош навевается туда регулярно, ожидая меня. А может быть, он уже сходил за Лялей и теперь они ждут меня вместе. Стоп, а если они были только плодом моего воображения и в то же время существуют на самом деле, но только кроме меня, помнящего их, есть и другой, который в настоящий момент уже находится с ними. У меня заломило в висках от всяких парадоксальных вероятностей многовариантного мира. Не стоило наперед думать об этом.

Я обошел машину и заглянул в салон. Меня пробил пот.

На месте водителя сидел я – без сознания и с разбитым в кровь лицом. Возглас негодования вырвался у меня из глотки. Не получилось обмануть природу. Удалось только максимально приблизиться к оригиналу. В кого же я врезался в этом повторении? Я залез в бардачок собственного автомобиля и достал фонарик. Совсем рядом, на обочине, лежал окровавленный труп голого мужчины. Я осветил ему в лицо. Вроде бы Вольдемар, но не точно. Столкновение с автомобилем здорово изменило его. Если это действительно он, то его грех искуплен смертью в этом варианте развития событий.

В кармане переднего сиденья лежала початая бутылка теплой минералки. Я с жадностью присосался к ее горлышку и не остановился, пока не допил. Где-то на задворках сознания промелькнула мысль, что укус вампира превращает тебя в такого же вампира. Как не хотелось стать подтверждением этой байки! Я осмотрел под светом фар свою кожу: не стала ли она бледнеть. Заглянул в отражение зеркала, чтобы заметить изменения в глазах. Ничего такого у себя я не заметил. Жажда могла быть следствием потери крови.

Пока мои спутники лежали без сознания, я мог ненадолго отправиться в мир, где мы с друзьями условились ждать друг друга. Хотелось верить, что с врачами за это время успеет ничего произойти. Я закрыл глаза и представил себе медленно текущую реку с берегами, поросшими чем-то вроде мать-и-мачехи, только в три раза крупнее. На душе зато-

милось, чувство соединения с миром наступило мгновенно. Следующий шаг перенес меня в яркий солнечный день.

На нашем месте никого не было. Только на песке отпечатались крупные следы волкообразной твари. И вот тут меня накрыли сомнения насчет того, что все варианты возможны. Что, если ни Ляли, ни Антоша никогда не было или они были, но прожили совсем другую жизнь, даже с учетом бесконечности ее вариантов? Короче, мне стало страшно, что их просто не существует.

Я сел на песок. Переживания сейчас мне были совсем не по карману. Сердце отчаянно гоняло остатки крови по кровеносной системе, чтобы напитать кислородом мои органы, бухая в грудной клетке от напряженной работы. Меня начало мучить головокружение. Можно попробовать направиться к дому Ляли и узнать у нее, помнит ли она наш совместный опыт путешествия по мирам. А вдруг они погибли или, наоборот, очутились в Транзабаре, но без меня?

Врачи скорой помощи висели якорем на моей шее. Они могли погибнуть в любой момент, и это было бы на моей совести. Почему судьба подсунула мне их, как в свое время подсунула кошку и змея? Урок, однозначно. В прошлый раз мы почти поняли, как попасть в город мечты, но, видимо, не совсем. На этот раз у меня в компании оказались обыкновенные люди, и, как я подсознательно догадывался, отвязаться от них я смогу, только добравшись до этого города.

На всякий случай походил по берегу, чтобы найти сле-

ды борьбы, крови, кусков зеленой кожи пресмыкающегося. Вдруг Антош пришел меня ждать со спиртным, отрубился, а этот цербер воспользовался ситуацией и съел его. Пьяный змей – это как закуска и выпивка одновременно. Нет, к счастью, ничего такого я не обнаружил. На большом открытом участке песка я решил оставить послание: «Антош, я иду в Транзабар в компании трех людей. Встретимся там».

Глава 2

Тяжело было сказать, глядя в бледные лица жертв вампиризма, что домой я их не поведу. Врачи сами себе поставили капельницы с глюкозой, чтобы восстановить силы. Они лежали на полу, и только Борис – на носилках. Он был бледнее всех, шевелил усами и время от времени тяжело вздыхал.

– Слона бы съел, – произнес Веня.

– Ага, по бабам уже сходили, теперь перекусить бы, – слабо засмеялся его коллега Петр.

– Блин, не догадался селфи сделать с ними. Пацаны сдохли бы от зависти.

– Веня, ты проверь, из тебя кровь не через член высасывали? – пошутил я.

Моя подначка напугала молодого врача. Он сунул руку в штаны.

– Фух, в порядке. Иначе лучше было бы сдохнуть.

– Вот у всех людей ранение в мозг считается смертельным, а у Вени – в член. Единственный орган, отвечающий за жизнеспособность, – дребезжащим голосом подколот коллегу Петр.

– У меня миссия. У меня очень хорошие гены, которые надо растиражировать по миру.

– По мирам, – добавил я, уцепившись за подходящий момент.

– Да, кстати, когда ты отвезешь нас домой? – Вениамин приподнял голову, чтобы видеть меня. – Я уже думал, что мы вернулись, но телефон связь не ловит.

– Это не наш мир, очень похож, но другой.

– А когда будет наш?

– Представьте, что вам грозит казнь, если вы не выкопаете до обеда яму, но лопату вам не дают, – попытался я провести некую понятную аллегорию.

– Почему не дают-то? Больше хотят нас убить, чем яму?

– Нет, хотят, чтобы вы стали сообразительнее и в следующий раз сделали подкоп и сбежали куда глаза глядят.

– А если более понятным языком? – попросил оживший Борис.

– Короче, я знаю, где взять лопату, но копать вы будете сами, – выпалил я одним духом.

Наступила продолжительная пауза, наполненная тяжелым дыханием обескровленных тел.

– Ты не отведешь нас домой? – догадался Борис.

– Нет. Миры не позволяют этого. Только вы сами сможете вернуться домой.

– Но ты научишь нас делать это?

– Нет. Я отведу вас туда, где учат этому быстро и доходчиво.

– Опять учиться? – вздохнул Веня. – Ненавижу.

– Оставайся здесь. Этот мир ничем не хуже того, в котором жил ты. Только здесь будет два Вени, хотя имя у твоего

двойника может оказаться и другим.

– Я буду ненавидеть человека, у которого те же недостатки, что и у меня, а если он еще и похож на меня будет, то я точно убью его, – заплетающимся языком произнес Вениамин.

– Ладно, значит, идем в Транзабар возвращать себя любимых в родной мир, к мамкам, папкам, женам, детям, коллегам, больным. Будьте оптимистами, взболтните свои сосуды, наполовину полные крови! Нас ждут великие дела!

Произнося фразу с пафосом, я знал, что, оказавшись в Транзабаре, я буду вынужден просто уйти под любым предлогом, оставив несчастных на волю судьбы. Великие дела, по ощущениям, ждали меня, но не их. Врачам скорой помощи на этот раз нужно было спасти себя.

– Машину поведу я, пока Борис не восстановит объем крови. – Я собрался перебраться из салона в кабину.

– А экскурсии по знаменательным местам будут? – спросил Вениамин.

– Ага, знаем мы, какие у тебя места знаменательные, – недовольно произнес коллега. – Спасибо, еще месяц кровь восстанавливать будем. Вези по прямой, до места назначения. – Он пережал капельницу и вынул иглу из руки. – Пописать надо перед дорогой.

Я сел за руль. Подождал, пока коллектив скорой помощи справит малую нужду. Когда они улеглись назад, я спросил через окошко:

– Готовы к приключениям?

В ответ мне послышались только слабые мычащие возгласы, которые я принял за одобрение. Стартер оживил мотор. Машина завибрировала. Я на секунду задумался над тем, в какой следующий мир я хочу попасть. Попытался представить сразу Транзабар, но этот прием у меня не прошел. Сознание скользило по нему, как по поверхности с нулевым трением, совсем не хотело цепляться.

– Ну и черт с тобой. – Я представил знойный каменистый мир Антоша.

Едва я тронулся с места, как какой-то неуправляемый грузовик попытался влететь нам в корму. Лучи его фар резанули мне глаза, отразившись в зеркалах, и тут же мы выехали в яркий день, свет которого был точно таким же ослепительным. Горячий воздух струился слоями над раскаленными камнями. Мы стояли на ровной дороге, вырезанной прямо в горной породе.

Я знал это место. Совсем рядом находился дом Антоша. Было как-то неудобно показываться перед людьми, которые могли принять меня за что угодно, если только не видели меня прежде. А с другой стороны, всего один их ответ мог всё расставить по местам. Я пошел к дыре, накрытой «собачьей будкой» из небольших каменных плит.

Как приличный человек, постучал в «дверь».

– Извините, Антош на улицу выйдет? – спросил я в круглое отверстие.

Раздалась возня, а потом появился змей, в точности похожий на Антоша. Увидев меня, он замер. Еще бы, если он прежде не видел жоржеобразных людей, да при его впечатлительной психике, его точно мог хватить удар.

– Я Жорж, помнишь? – на всякий случай уточнил я.

– Вы, верно, ищете моего сына? – спросил змей.

– Так вы отец Антоша! – засмеялся я. – Я было принял вас за него. Очень похожи, прямо-таки генетика рулит. А где он?

Змей начал тушеваться вполне по-человечески:

– А-а-а, с ним что-то не то в последнее время. Он ведет себя странно, рассказывает о своих друзьях, не похожих на нас. Видимо, это были вы, – произнес он медленно, будто очевидная мысль только что пришла ему в голову.

– Очевидно, я. А мы что, не гостили у вас прежде?

– У нас? Дома? Не припомню. Я бы точно вас не забыл.

– Ясно.

На самом деле совсем ничего не было ясно. Антош помнил меня, значит, мы были вместе, но его родители, с которыми я делил трапезу, а Ляля даже нечаянно отправила их дочь в свой мир, этого не помнят. Какая-то запутанная история, непонятно в какой из своих частей рожденная воспаленным сознанием.

– Мой сын именно так вас и описывал. Что у вас есть конечности, как у вымерших млекопитающих. Невероятно, но вы похожи на галлюцинацию.

– О, это мы уже проходили, кто и на кого похож. Где Ан-

тош?

– Он исчез прямо из дома, мы ждали врачей, чтобы они побеседовали с ним, а он... пропал. Мы решили, что он сбежал, хотя он не выходил из комнаты.

– Ага, значит, на него врачей повесить не успели, а вот на меня...

– Что?

– Скажите, перед тем, как рассказывать обо мне, он исчезал из дома, примерно месяца на два?

– Он связался с бродячим философом, но мы не разрешили сыну идти с ним.

– Значит, не исчезал?

– Нет.

– А потом вдруг начал рассказывать про меня, про Лялю, наверное, про город Транзабар?

– Да, – удивился отец. – Откуда вы знаете?

– Так я с ним был все это время в одной компании. Не пойму только, как так получилось, что вы этого не заметили.

– Знаете, я теперь вообще ничего не понимаю. Мне нужно побыть одному. – Змей посмотрел на меня немигающим взглядом.

– Дорогой, кто там? – раздался голос матери Антоша.

– Да так, попрошайки ходят, – ответил ей супруг. – Уходите. Ваше появление может вызвать много вопросов у властей.

– Ладно, я понял. Сколько дней назад исчез ваш сын?

– Вчера. Всего хорошего. – Отец дал понять, что разговор окончен. Развернулся и уполз в дом.

– Если вернется, скажите, заходил Жорж. Заходил, это важно! – крикнул я вслед.

Мне не ответили. Впрочем, обвинять пресмыкающихся в отсутствии такта не стоит, они даже с человеческим разумом остались слишком холодными.

Почему же Антош не вернулся на ту полянку, о которой мы договаривались прежде? Ответ мне мог дать только он сам. Передо мной встал выбор: то ли искать путь в Транзабар самостоятельно, то ли пытаться найти своих друзей. За первый вариант был рациональный расчет. Отогнать стадо врачей в город мечты, не растрачивая энергию на эмоции и впечатления, и дело с концом. Но сентиментальная часть меня требовала отыскать друзей и вместе с ними совершить второй прорыв.

Видимо, поэтому мои мысли автоматически открыли врата мира, где жила Ляля. Скорая помощь выехала на дорогу, проложенную по широкой ветке дерева. Уровень был жилой, поэтому раскачки, как на дороге в кроне, почти не ощущались. Как я себе и представлял, выбросило нас рядом с домом Ляли. В окнах ее квартиры светились окна. Кажется, на дворе была ночь, а не простые зеленые сумерки, заменяющие день. Я даже не успел включить фары. Припарковался к забору и заглушил мотор.

Из салона раздавался храп, к которому примешивался

скрип стволов и веток деревьев. Ляля уйти самостоятельно не могла, если только до нее раньше не добрался Антош. Вполне возможно, что он выбрал ее мир, потому что здесь проще прятаться. Меня кольнула ревность, и пронеслась мысль, будто они могли забыть про меня. Впрочем, она была сиюминутной и унеслась прочь, не оставив после себя неприятного послевкуся. Антош и Ляля без меня долго не выдержали бы вместе.

Мне надо было идти в дом Ляли, чтобы узнать о ней. Честно говоря, я побаивался ее отца, который был крупнее меня раза в два и намного атлетичнее сложен. Он мог и не понять, что я за существо, и вlepить мне фирменный кошачий хук. Однако идти следовало в любом случае.

Пригнувшись, я добежал до дверей, уверенный, что меня никто из соседей не видел. Хотел постучать, но услышал доносящиеся из дома характерные кошачьи рулады, похожие на мартовские серенады котов. Может быть, у них брачный период? Может, к Ляле заехал женишок голосистый? Мой порыв немного угас. Не хотелось прервать своим появлением семейное торжество.

Я решил пошпионить через окно, чтобы примерно понять, чем вызваны вопли семейства кошачьих. Строили свои дома кошки иначе, чем мы. Им зачем-то хотелось, чтобы окна начинались на уровне роста человека. Непонятная и странная причина делать именно так. Мне было ужасно неудобно заглядывать в них. Я несколько раз подпрыгнул, но

не успел ничего разглядеть. Тогда я нашел во дворе какой-то стульчик и приставил его к стене под окном. Конструкция была шаткой, поэтому я держался за все, что выступало из стены.

Под слабым желтым светом электрической лампы сидела семья Ляли – и как будто среди них и она сама! Кошки наперебой затыгивали свой вой. Это совсем не напоминало семейный праздник. Мне подумалось, что вдруг кто-то умер. Что-то я не видел среди кошек крупной фигуры папаши. Я занес руку, чтобы постучать в окно.

– Жорж! Жорж, ты где, твою мать? – раздался на весь лес голос отдохнувшего Вени.

Я повернулся, чтобы ответить ему, но мой стульчик хрустнул и развалился. Я с шумом грохнулся вниз. Кошачий вой мгновенно прекратился. Я едва успел подняться, прежде чем на шум выбежали хозяева дома. Увидев меня, они принялись кричать. Все, кроме Ляли, в прыжке сбившей меня с ног.

– Жорж! Жорж! Как хорошо, что ты есть! – Она сжала меня в теплых меховых объятиях вкусно пахнущей шерстки. – Я думала, что я сошла с ума.

– У меня тоже были такие предположения. – Я отстранился и посмотрел в ее большие желтые глаза, в которых было столько счастья, что я невольно счел себя тому причиной.

– Жорж, я отца выбросила куда-то... – произнесла она голосом, мягко переходящим в мартовскую кошачью рапсодию.

– «Выбросила»?

– Да. Он ругал меня за то, что я фантазирую, говорил, что у меня не в порядке с головой, а я разозлилась и вытолкнула его из нашего мира.

– Куда?

– Не зна-а-а-аю-у-у! – Она снова упала мне на грудь.

В принципе, мне все было понятно. Ляля так же, как и я, как и Антош после неудачного падения в Транзабар, оказалась в переломной точке начала своего путешествия по мирам, причем с ясными воспоминаниями и умениями, приобретенными за время этого путешествия.

– Найдем мы твоего папашу. Иди успокой семью, а то они, наверное, уже за святую воду хватаются.

– Правда? – Глаза Ляли были полны надежды.

– Конечно. Сейчас ты успокоишься сама, успокоишь семью...

– Жорж, я ничего не вижу, в какие потемки ты нас завез? – снова подал голос Вениамин.

– Кто это?

– Потом расскажу. Иди к семье, а этого голосистого упыря я попрошу заткнуться.

Ляля бесшумно и мягко убежала в дом, а я скорым шагом направился к машине.

– Ты чего орешь, доктор? Ты не видишь – ночь, люди спят?

– Это что, турбаза? – попытался угадать Вениамин.

– Это похоже не турбазу? Перед тобой город, в котором живет цивилизация кошкообразных людей.

– Да ладно. Я слышал, как они разговаривали по-русски.

– Представь себе, в мирах люди говорят на одном языке.

– Чушь какая-то, – не поверил Веня.

– Иди в машину и сиди молча. Я скоро буду. Если твои коллеги захотят по нужде, пусть делают это максимально бесшумно. Нормальный кошкомужик намного сильнее нас с вами, а если его еще напугать, то он свернет вам шеи, как утятам. Уяснил?

Веня цыкнул, но полез в машину.

– Сказочник ты, Жорж, ох и сказочник!

Мне было недосуг разубеждать его. Я вернулся к дому Ляли. Осторожно приоткрыл дверь и зашел в дом. Обстановку дома я помнил хорошо.

– Ляля, я здесь, – произнес я негромко.

Кошка бесшумно спустилась по лестнице.

– Мои в спальне сидят, боятся всего. Считают, что в меня вселился демон, а ты – один из них.

– Думаю, терять время на объяснения не стоит. Надо убираться отсюда в спокойный мир и попытаться вспомнить, куда ты отправила отца.

– Ох, я так и не научилась управлять своими эмоциями. Пойду предупрежу их, что отправилась на поиски отца.

– Давай. Только недолго. Мои спутники, черт бы их забрал, сейчас придут в себя и начнут орать.

– Хорошо.

Ляля вспорхнула по лестнице вверх. Спустя несколько секунд раздались приглушенные голоса. Кажется, Ляля снова повышала голос. Только бы она не выбросила еще кого-нибудь из своей семьи.

– У тебя всё всегда не как у людей! – крикнула вдогонку торопящейся вниз дочери мама-кошка.

– Ваше воспитание! – огрызнулась Ляля. – Пойдем, Жорж. Они совсем не хотят ко мне прислушиваться.

– До свидания! – Я помахал матери Ляли.

Мой жест напугал ее. Она дернулась, будто я не махнул рукой, а бросил что-то в ее сторону.

– Надеюсь, больше никогда не увижу вас, – прошипела мать по-кошачьи.

– Мама! – с истерикой в голосе выкрикнула Ляля.

Мы вышли из дома. Ляля шумно дышала, и я знал, что в этот момент лучше ее не трогать.

– На машине поедem, садись на переднее сиденье. – Я показал ей на пассажирскую дверцу. Ляля помучилась с ручкой, но быстро разобралась, открыла дверь и села на сиденье. Осмотрела салон, приборку, моргающую разноцветными лампами. Эта машина была не в пример современнее отцовской рухляди.

– Красиво. Куда едем?

– За папой.

Заинтригованный женским голосом, из окошка высунул

лицо Веня. Он не видел Лялю, потому что окошко было небольшим.

– Здравсте, – произнес он так, будто был уверен, что женщина ему точно понравится или уже понравилась. Хотя можно было предположить, что ему нравились все женщины.

– Привет. – Ляля отстранилась от спинки сиденья, чтобы увидеть Веню.

Забавно было наблюдать за реакцией озабоченного врача. Вначале он замер, как истукан, смотрел на Лялю как кролик на удава, потом отмяк и кое-как пришел в себя.

– Вениамин, – представился он с придыханием.

– Это имя или заклинание? – спросила Ляля. Ее рассмешила реакция парня.

Веня громко сглотнул.

– Имя.

– Для тебя меня зовут Ляля.

– Ляля... Вам идет. Вы кто, кошка?

Ляля закатила глаза под лоб, что означало, что ей надоело уже это выяснение ее происхождения.

– А ты – обезьяна?

– Что?

– Веня, иди полежи. Мне кажется, у тебя восстанавливается только сперма, но не кровь. Бледный, а глаза горят, еще скончаешься от перевозбуждения. – Я закрыл окошко ширмой. – Поехали.

Снова в тот же мир, где собирались встретиться, И снова

Антош нас не ждал.

– Ничего не понимаю. Куда этот змей подался? Один, что ли, решил в Транзабар попасть?

– Жорж, давай папу вернем, а потом Антоша будем искать. Он взрослый, ничего ему не сделается.

– Ты про кого: Антоша или папу?

– Антоша, конечно. Мой папа – как котенок в незнакомых обстоятельствах.

– Хорошо. Чего ты там думала, когда ругалась?

– Многое, в основном о том, как тяжело поверить в правду. О том, что я выгляжу как дура и все думают, что я тронулась рассудком, а у меня всё клокочет от этого.

– Этого мало. Вспомни, какие ассоциации у тебя возникли при этом. Вода, ветер, пекло, другие стихии. Что у тебя мелькало перед глазами.

– Мелькало? – Ляля задумалась. – Я хотела видеть отца у себя на похоронах, чтобы они случились именно из-за того, что он не верил мне. Я видела, как он оказался со мной в другом мире, где я погибла у него на глазах, чтобы он знал, что нельзя не верить собственной дочери.

– Ты вообще, что ли? – Я уставился на кошку возмущенным взглядом. – Разве так можно с родным отцом поступать?

– Я же не знала, что у меня остался этот дар. Я сама думала, что все пережила у себя в голове.

– Это же глупо – вызывать жалость к себе.

– Это называется клиническая депрессия, – раздался из

салона голос Вени.

– Заткнись! А то и тебя сейчас отправим одного куда-нибудь подальше, – крикнул я.

– Я просто хотела быть услышанной.

– Ладно, не буду на тебя давить. Выталкивай меня на свои похороны.

– А я смогу? Мне нужен импульс.

– Импульс... – Я полез к кошке с поцелуем.

Раньше это действовало безотказно. В этот раз испытанный прием не сработал. Кажется, Ляле даже понравилось. Импульс случился у меня.

– Блин. – Я засмутился. – Я думал, получится.

– Я соскучилась. – Ляля опустила взгляд.

Мы оба повели себя как дети, совершившие что-то такое «взрослое» в первый раз, и испытали при этом чувство неловкости. Виной тому в первую очередь была радость встречи, а во вторую, конечно же, тлеющая в нас искра чувств, разжигать которую нам обоим казалось не самой лучшей идеей.

– Может, вам вколоть чего-нибудь для воображения? – спросил в окошко Петр.

Он, видимо, спросил это для предлога, чтобы разглядеть Лялю. Кошка развернулась к нему лицом. Петр невольно отшатнулся.

– Ух, необычно как! Я как будто уже сам принял что-то для воображения.

– Нехорошо подсматривать. – Кошка изобразила на лице оскал, показав свои большие белые клыки.

– Я не подсматривал, – оправдался Петр, завороченный хищной ухмылкой Ляли. – Я нечаянно подслушал.

– Спасибо, – перебил я врача. – Сами разберемся, откуда черпать воображение. Отдыхайте, восстанавливайте объем крови, а то сами на вампиров похожи.

– Ага. – Петр исчез.

Из салона послышался шум и реплика Бориса:

– Я слышал женский голос.

– Подруга Жоржа. Кошка, – ответил ему Веня.

– Тише ты, услышат! – оборвал его громким шепотом

Петр.

Ляля покачала головой.

– Прости меня за этот обезьянник. Они случайно оказались со мной, и с тех пор я не могу от них отвязаться. Я не могу вернуться с ними в свой мир. Что-то не пускает, как специально.

– Вот почему нас не вернули назад. – Кошка задумалась, и через секунду ее глаза озарились блеском. – Мой отец! Мы не сможем вернуть его, даже если найдем. – Ее ушки безвольно опустились. В глазах замерла влага. – Что я натворила...

– Что сделала, того не изменить. Просто у вас в семье будет два прецедента.

– Это если он доберется. А если нет? Один недоделанный

прецедент, который может в сердцах запулить в другой мир кого угодно?

– Ну, ты по жизни такая неудачница, из-за которой страдают все вокруг. – Мне пришла на ум прекрасная идея. – Тебе и дар был дан, чтобы усилить это чувство. Неудачливость и мстительная злоба из-за того, что есть люди, которые видят в тебе это. Серый злобный комок шерсти, который не способен сделать ничего полезного.

Я помнил этот взгляд. Ляля начинала свирепеть. Конечно, нельзя говорить такое человеку, который на самом деле тебе нравится и не заслуживает таких слов, но я не знал, как иначе заставить кошку вытолкнуть меня в тот мир, в который она отправила отца.

– Куда ты отправила отца? – спросил я у нее с интонацией мага из дешевой телевизионной постановки.

Как назло, в этот момент отодвинулась шторка и в окне появилось любопытное лицо Вениамина.

– Исчезни! – крикнули ему мы с Лялей в один голос.

– Ой, а Веня исчез! – раздался из-за перегородки напуганный голос Петра.

– А-а-а! – Кошка упала на панель и забилась в рыданиях.

Я понял, что старый прием больше не работает так, как надо. Снова исчез человек, который не умеет ходить по мирам.

– С другой стороны, нам есть чем заняться. – Я положил руку на вздрагивающее плечо Ляли. – Не кори себя, не надо.

Нам это никак не поможет. Надо успокоиться и подумать, как вернуть отца и этого врача.

– Веня был хорошим парнем, хотя и легкомысленным, – прозвучал слабый голос Бориса.

– Был, есть и будет. Мы его вернем. Скоро.

– Вы больше не ссорьтесь, – попросил Петр.

– Хорошо, не будем, – ответил я ему в окошко. – Прости, Ляля, за то, что я сейчас наговорил. Я вообще так не считаю, просто хотел найти способ отправить меня к твоему отцу.

– Я поняла уже. Меня сейчас злить не надо, слишком много побочных эффектов получается. – Она попыталась усмехнуться, но получилось не очень. – Что делать, Жорж?

– Есть у меня одна идея, правда, я пока не пробовал, как она работает.

– Что за идея? – Глаза Ляли загорелись надеждой.

– Я хочу попытаться ходить по мирам не по тому, как я себе их представляю, а по конкретному человеку. То есть я хочу представить твоего отца, как я его помню, и попробовать найти его так же, как я представляю себе мир.

– Давай, давай попробуем, Жорж. – Ляля схватила меня ладонями под скулы и поцеловала в нос.

– А почему в нос-то? – спросил я.

– А потому что в губы еще не заслужил.

Из-за перегородки раздался короткий гогот.

– Сейчас кто-то у нас отправится за другом, – пригрозила Ляля.

Я показал Ляле жестаами, чтобы она больше не пугала моих спутников. Им и так за последние часы досталось очень много.

– Ладно. – Я закрыл глаза. – Твоего папу я запомнил хорошо, попробую представить его.

Мотор машины мягко затарахтел после поворота ключа. Я включил передачу и мягко отпустил сцепление, чтобы машина плавно тронулась вперед. Движение, как я заметил, каким-то образом способствовало тому, чтобы миры менялись быстрее. Мне представился отец Ляли – таким, каким я увидел его впервые: сидящим в кресле в окружении семьи. Коренастый, по-кошачьи надменный.

Мое сознание получило миллионы схожих образов, миллионы отцекотов в окружении семьи. Нет, такой образ нам не подходил. Надо было вспомнить черту, кардинально отличающую нужного кота от остальных. Я знал его таким, каким он не знал сам себя. Тот случай, когда мы, пьяные, гоняли радиоуправляемые машинки, открыл его всем с неизвестной доселе стороны. Надо использовать эту часть его образа.

Я снизил вероятность до нескольких сотен угрюмых котиков, похожих на отца Ляли и имеющих глубоко в душе слабость к радиоуправляемым машинкам. Нужно было еще что-то, что могло отделить его от общей массы. Ляля будто услышала мои мысли:

– Жорж, если тебе это поможет, то у него на правой ноге средний палец был сломан, сросся неправильно и теперь

торчит вбок.

– Угу, – сквозь зубы произнес я.

Отлично. Результат сократился до нескольких десятков кривопалых котов. Возможно, перелом именно этого пальца был физиологической особенностью разумного кошачьего вида. В сравнении с обычным человеком кошки не утратили дикой прыткости и запросто могли повредить себя, предаваясь первобытным инстинктам.

Десятки – это все равно было еще слишком много. Мне нужен был испуганный страдающий отец, возможно, раскаивающийся. Я представил себе, как ощущается на душе груз раскаянья, этот черный ком, в котором слежались все упреки в адрес дочери. Наверняка он был большим.

И, о чудо, я почувствовал его! Напуганный, растерянный кот на грани помешательства.

– Стой! – коротко воскликнула Ляля.

Я нажал на тормоз и открыл глаза.

Мы стояли у ствола огромного дерева, похожего на те, что росли в мире кошек, но не совсем. Оно было меньше, а воздуха и света было больше. На земле, или правильнее сказать, на коре сидел отец Ляли. У него на руках лежало бездыханное тело кошки, которую он принимал за свою дочь. Над его головой висела веревка с характерной петлей. Похоже, в этом мире двойник Ляли покончил жизнь самоубийством – способом, одним из самых распространенных среди людей с шей.

Отец-кот ни на что не реагировал, находясь в состоянии глубокого страдания, затмевающего прочие чувства.

– Ляля, я не знаю, как теперь ты всё объяснишь отцу.

Мне стало жалко его, потому что я почувствовал ее состояние. Кошка мне ничего не ответила, открыла дверь, выбралась из машины и робко, на полусогнутых, направилась к отцу. Мое сердце не выдержало этого зрелища, и я отвернулся. Отодвинул шторку и заглянул в салон.

– Вот такие дела творятся в мирах, друзья. Куда бы тебя ни занесло, а семья все равно важнее. – Я вздохнул. – Блин, я же бате машину обещал.

– Папа, папа, это не я! – раздался с улицы голос, а потом плач, переходящий в рыдания.

Определенно, у разумных кошек чувство собственного достоинства намного сильнее развито, чем у остальных. Что Ляля, что ее отец всегда старались подчеркнуть свою независимость. Просто удивительно, как они умудрялись создавать семьи.

Какое-то время отцу-коту потребовалось, чтобы он понял, что перед ним находится его родная дочь. Когда он наконец осознал это, радость встречи была бурной. Я даже опасался, что он раздавит Лялю в своих могучих объятьях.

– Жорж, выходи, я хочу представить тебя отцу, – позвала меня Ляля.

Я выбрался из машины, заранее предвидя шок, который мог вызвать мой плешивый обезьяний вид. Однако на этот

раз он не вогнал кота в ступор. Радость от того, что дочь оказалась жива, уравновесила удивление.

– Добрый день. – Я протянул руку.

Кот не знал человеческих рукопожатий и просто потрогал мою ладонь. Может, и к лучшему, а то сломал бы мне кисть.

– Это Жорж, папа. Я тебе о нем рассказывала.

– А, простите, я некоторое время назад скептически относился к историям Ляли, считая их глупой выдумкой. Теперь я вижу, что вы существуете. Ляля еще рассказывала про какую-то змею?

– Это змей Антош, наш друг. К несчастью, после нашего расставания мы его еще не нашли.

– А кто же эта несчастная? – Кот по-отечески посмотрел на труп молодой красивой кошечки.

– Мой двойник, которых миллионы в мирах. Что-то у нее не срослось, любовь или, может, конфликт в семье.

– О, прости меня, Ляля. Как я должен был поверить в это? – Он указал на меня.

– Ладно, теперь-то веришь?

– Конечно. Я не могу считать себя сумасшедшим, чтобы подумать, будто мне это грезится. Мы сейчас вернемся домой? – спросил отец Ляли с надеждой в голосе.

– Попробуем, – ответил я, опередив Лялю. – Не факт, что получится. Я вот не могу вернуть своих земляков назад, хотя до этого таких проблем у нас не было.

– А что делать с этой девушкой? – забеспокоилась Ляля. –

Как-то нехорошо оставлять ее здесь. Ее растерзают птицы и звери.

– А куда ее? – спросил я, совсем не представляя, что делать с трупом. – Ребята, врачи, вам работа подвернулась.

Задние двери машины распахнулись, и оттуда вышли бледные Петр и Борис. Они не сводили взгляда с кошек.

– Чего тут? Покойник? – спросил Петр.

– Девушка повесилась, можете констатировать смерть, чтобы мы не сомневались?

– Ну, я, конечно, не ветеринар... – начал Петр и тут же осекся, когда поймал взгляд Ляли. – Я имел в виду физиологию. Ладно, я сейчас.

Он быстро скрылся в машине и вернулся оттуда со стетоскопом в ушах. Присел возле девушки-кошки и прослушал ее грудь, затем положил пальцы на запястье. Ничего не сказав, убежал в машину и вернулся оттуда со шприцем в руке.

– Зачем это покойнику? – поинтересовался я.

– Она жива. Очень слабый пульс, но вытащить еще можно.

– Правда? – Больше всех обрадовался кот.

– Я попытаюсь, – пообещал врач.

Он вколол ей что-то в бедро, согнул и разогнул ее ногу в колене несколько раз: видимо, чтобы разогнать кровь. Снова сходил в машину и вернулся с маской и кислородным баллоном.

– Ща реанимируем, – пообещал он.

Я никаких изменений не заметил, но Петр, видимо, знал,

на что смотреть. Он потрогал черную «пипку» носа девушки.

– Уже влажнеет, – со знанием дела пояснил он.

– А говорил, что не ветеринар? – пошутил я.

– Я просто знаю, что у здоровых кошек нос влажный.

Ляля и отец переглянулись, невольно задержав взгляд на носах друг друга. Петр наложил на лицо девушки маску. Форма кошачьей физиономии не совпадала с человеческой, поэтому хорошо натянуть маску не получилось. Петр открыл баллон. Веки девушки дрогнули и медленно открылись. Ляля от радости запрыгала на месте.

– Что со мной? – Девушка перевела взгляд с кошек на Петра, затем на меня. – Я умерла, – утвердительно произнесла она.

– К счастью, нет. Вы живы. Мы вам советуем больше не экспериментировать с самоубийствами, иначе явимся не мы, а кто-нибудь пострашнее, и тогда... – Я не закончил предложение, оставив его продолжение на воображение девушки. – Поехали отсюда.

Я срезал с ветки веревку, чтобы у кошки не осталось соблазна повторить попытку самоубийства. Ляля с отцом кое-как уместились на пассажирском диване рядом с водителем.

– На всякий случай я попытаюсь отвезти вас домой, – пообещал я коту.

– Был бы признателен. – Большой черный кот все еще выглядел растерянным.

Ляля согласно моргнула. Я закрыл глаза и представил

ее дом во влажных сумерках искусственного леса. Как ни странно, у меня все получилось.

– Это наш дом, – сообщила кошка прежде, чем я открыл глаза.

Глава 3

Видимо, отец Ляли был еще не готов к тому, чтобы стать иномирцем. Он упал на землю сразу, как вылез из машины. Ноги не держали его после пережитого. Семья с радостными воплями выскочила из дома, всполошив соседей, из-за чего нам пришлось срочно убираться из этого мира.

– Я скоро буду, – пообещала Ляля семье.

Счастливая и готовая к путешествиям, она плюхнулась на сиденье рядом со мной.

– Погнали! – В нетерпении она постучала теплым мягким кулачком по панели. – Как хорошо, что это нам не привиделось.

Я снова выехал в мир с речкой и полянкой – на всякий случай, чтобы не разминуться с Антошем. Его там не было. Мои наставления остались нетронутыми.

Ляля выскочила из машины и побегала по траве, прошлась вдоль воды. Ей приятно было видеть места, в которых она бывала прежде и по которым успела соскучиться. Петр и Борис тоже выбрались из скорой и наблюдали со стороны, как кошка по-человечески предается радости.

– Жорж, слушай, у меня до сих пор всё как в тумане, и не только от потери крови. Неужели это реально? Эти кошки, эти деревья, это всё? – спросил Борис, потирая виски.

– Мужики, в мирах есть всё что угодно, любой бред за

ваше воображение.

– Слушай, а когда за Веней?

Я вздохнул:

– Скоро. Найдем своего пресмыкающегося друга – и сразу за Веней.

– Он реально змея?

– Змей. Большой змей. Очень мудрый, рассудительный, немного трусливый и любитель выпить.

– Бухнуть? – уточнил Борис.

– Да. Натуральный интеллигент, спился на почве невозможности найти себе собеседника по уровню.

– Знакомо, – согласился Петр. – Мы таких часто откапываем. – Ему пришлось объяснить мне понятнее: – В смысле прокапываем глюкозкой.

– Ясно.

Ляля подняла с берега камень и бросила его в воду, любясь разбегающимися кругами.

– У нас ведь речек не видно. Они все у корней, и те в болоте, – крикнула она нашей компании, наблюдающей за ней.

– Вроде животное на вид, а присмотришься – классная баба, – заключил Борис. – Стыдно даже признаваться в этом.

– Прости, что спрашиваю, у вас что с этой кошкой – роман? – поинтересовался Петр.

Я молча усмехнулся. Что ему ответить, я не знал. Определенно, мы питали взаимный интерес, но неоспоримый видо-

вой барьер между нами ограничивал развитие наших чувств. Заведи Ляля при мне роман с кем-то, я бы начал ревновать, но пока этого не случилось, я был спокоен и не считал нужным как-то форсировать отношения.

– Мы хорошие друзья, – ответил после паузы я. – Пережили многое вместе.

Ляля наигралась и вернулась к машине. Подошла ко мне и улыбнулась своей фирменной хищной улыбкой, бросив мимолетный взгляд на моих спутников. Мужики поспешно вернулись в салон.

– Борис, садись ты за руль, а то мне неудобно вообразать и рулить одновременно, – попросил я настоящего водителя этой машины. – Ты уже в норме?

– Почти. Так, слабость небольшая, как с похмелья.

Он сел за руль, а мы с кошкой – рядом с ним. Надо было искать Антоша, друга, который непонятно куда запропастился. Он запросто мог попасть в неприятную ситуацию из-за своей доверчивости или рассеянности. Я закрыл глаза и попытался представить себе змея со всеми его ужимками, коронными фразами, чертами характера и прочим, что составляло его отличительный образ.

Варианты полезли сразу, проносясь у меня в воображении как слайды, и отметались какой-то частью сознания, умеющей распознавать оригинал. Антоша среди них точно не было. Мне даже стало не по себе от мысли, что он мог погибнуть.

– Не могу, не вижу. – Я открыл глаза. – Как сгинул. Я был у его родителей, они сказали, что он исчез прямо из дома. Куда он отправился? Наверняка вообразил себе что-нибудь такое, до чего нам не додуматься.

– Он мог, – согласилась Ляля. – Только почему без нас?

– Ты права. Одинокий волк – это не про него. В одиночестве он может предаваться размышлениям, но никак не опасным путешествиям.

– Может, начать путь оттуда, откуда начал его Антош? Из его спальни.

– И что нам это даст?

– Ну, будь я на его месте, я прямо из спальни отправилась бы сюда, к реке. Он точно сделал бы так же, если бы его что-то не отвлекло. Может быть, дома мы сможем получить какие-то намеки, зацепки.

– Не хотелось бы тревожить его родителей снова. Отец Антоша был не очень рад видеть меня. Да и нельзя бросать наших... – Я попытался найти подходящее слово: – Безбилетников.

– Не надо нас бросать, – согласился Борис.

Мне пришла на ум одна идея:

– А что, если я не буду переходить в дом Антоша? Просто попытаюсь на грани перехода разглядеть его комнату. Хотя я не особо верю в то, что это нам как-то поможет.

– Попытайся, Жорж, а потом будем искать другие способы.

– Ладно.

Обстановку внутри змеиного дома я помнил, поэтому смог за долю секунды настроиться на нужный результат. Чтобы не вывалиться в чужой дом и не перепугать его обитателей, пришлось контролировать себя в пограничном состоянии. Как только я замер, вращая только собственное сознание, умеющее видеть так, будто у него в наличии свои глаза, я почувствовал, что в этом месте что-то не так. Тут сквозило откуда-то. Объяснить свое ощущение я не мог, потому что это был не ветер, а что-то другое. Тут явно имелась какая-то аномалия, с которой я не встречался.

Я попытался не обращать на нее внимания, осматривая обстановку дома, но случилось то, к чему я не был готов. Аномалия начала затягивать меня. Я сразу же прервал контакт с миром Антоша.

– Что с тобой? – всполошилась Ляля. – У тебя кожа покрылась мурашками.

Кошка испугалась моего безумного взгляда.

– Меня начало затягивать в какую-то ледяную дыру. – Я потерял ладонями свои плечи. Они и впрямь были холодными, словно я перед этим находился в ледяной воде. – Думаю, это она затянула Антоша. Ты ведь знаешь, что на холоде он беспомощен.

– Это другой мир?

– Это как будто щель между мирами. Мне показалось, что она охотится на тех, кто выпускает свое сознание надолго.

– Вот ведь не было печали! – Кошка в сердцах стукнула по панели.

Борис бросил на нее недовольный взгляд.

– Как быть? – Я почесал затылок, стимулируя работу мозга. – Прямо хоть трос какой-нибудь ментальный придумывай, чтобы вытащить за него можно было. Казалось, мы уже всё испытали в этих мирах, ан нет – появились какие-то ловушки для иномирцев. Конечно, не все карасю спокойно в реке плавать, щука должна была появиться обязательно.

Мне даже стало страшно оттого, что я теперь знал: перемещения между мирами не так безопасны, как мне казалось раньше.

– Шапочку из фольги, – неожиданно произнес Петр.

– Что? – Я не понял, к чему он это сказал.

– Ну, как это делают некоторые тронутые, с которыми разговаривают пришельцы или люди с того света. Эти чудаки делают шапку из фольги, чтобы голоса не проникали сквозь нее в мозг. Известный же прием?

– И что, срабатывало?

– Да. Как я понял, вы пользуетесь воображением, чтобы куда-то попадать. Больные тоже так делают, только у них воображение неконтролируемое.

– Ага, я понял, контролируемое сумасшествие, вот какой диагноз ты нам поставил.

– Нет, просто я понял, что это работает в вашем случае. Шапочка – это условность, чтобы вообразить барьер, защи-

ту. Может быть, и вам представить себя в доспехах против той... дыры.

Я задумался. Ляля одними губами произнесла:

– Он прав.

– Врачи, что ты хотела, опыт. – Я отодвинул шторку, закрывающую окошко в салон. – Петр, а что мне представить на себе?

– Сверкающие доспехи, как у ангела.

– Звучит как-то богохульно.

– У сумасшедших этот прием работает.

– Ладно, попробую в доспехах. Ляля, держи меня за руку и не давай мне перейти в другой мир материально. Поблуждаю сознанием по той дыре, гляну, что почем.

– Обещай, что при первой же опасности сразу вернешься.

Ты же не хочешь оставить нас здесь навсегда?

– А что, неплохое местечко. С такими друзьями можно протянуть и не один месяц.

– Ты о чем?

– Если что, у меня мясо жесткое уже, старое, – предупредил Борис, поняв мою шутку.

– Тьфу, дурак. – Кошка дала мне мягкий подзатыльник. –

Отправляйся уже, рыцарь в блистающих доспехах.

– Чокнутый рыцарь, – поправил я.

Ляля крепко ухватила меня за запястье. Я закрыл глаза и перенесся в дом Антоша, попутно представляя себя в теплых, отражающих чужой разум доспехах. Аномалия сразу

же попыталась втянуть меня в свое черное ледяное нутро. Я поддался ей, не переставая представлять свой ментальный блок. Мне, признаться, было тепло. Холод не достигал моей кожи, будто на ней и в самом деле была защита. Я чувствовал руку Ляли, и это вселяло в меня уверенность.

Чмок! И черный проход закрылся, будто я преодолел какую-то мембрану. Я оказался в странном месте: темной пещере или огромном зале. Ни стен, ни потолка я не видел, но знал, что они есть. Вокруг меня находилось множество стеклянных сосудов с разнообразными существами внутри.

– Кунсткамера? – прошептал я.

Мой шепот разнесся по пространству, отразившись и повторившись сотню раз, не меньше. Наверное, в одном из сосудов находился и Антош. На вид существа казались мертвыми. Я постучал воображаемым пальцем по стеклу, за которым находилось лохматое существо, похожее на болотную кочку. Оно никак не отреагировало.

– Антош! – уже погромче произнес я.

Имя змея забегало между сосудами. Рядом со мной никто не шевельнулся. Чувствуя руку Ляли, как спасательный трос, я решил пройти дальше. Мне показалось, что я вижу вдалеке свет. Минуя сосуды с существами самых невероятных внешностей, я дошел до того места, откуда стали слышны голоса. Разговаривали двое. Судя по тембру, один голос принадлежал взрослому существу, а другой молодому.

– Я разбуду его, – плаксиво произнес молодой.

– Подожди, дай ему отдохнуть. Неизвестно, когда поймем следующего, – ответил взрослый.

Я подошел ближе и увидел двух здоровых существ, похожих на помесь жабы и бегемота. С жабой их роднила огромная пасть, а с бегемотом – массивное тело и маленькие закругленные ушки. Существо с взрослым голосом было крупнее. Оно стояло у печи и отливало сосуды для своих жертв. Я сразу заподозрил этих чудовищ в коллекционировании.

Младший сидел перед сосудом и не отрываясь смотрел на существо внутри него. Когда я пригляделся, то чуть не вскрикнул. Внутри, скрутившись пирамидкой, находился змей. Я был уверен, что это Антош.

Мелкий обернулся на старшего, заметил, что тот на него не смотрит, и тихонько потряхнул сосуд. Антош зашевелился.

– Он проснулся! – радостно сообщил мелкий.

– Вот ты какой ненасытный, сынок. Ну ладно, раз проснулся – поешь.

Мелкий поднял сосуд с Антошем и потряхнул его сильнее. Затем поставил на небольшой огонь.

– Подумай что-нибудь смешное, – попросил он моего друга.

Что это значило, я не понимал. Вид у змея был усталый. Уж я-то его мимику знал очень хорошо. Неожиданно вокруг змея появился красочный ореол. Он стал расти и заполнять сосуд цветным светящимся газом. Мелкий воскликнул от радости, просунул в крышку трубочку и принялся всасывать

красочное свечение. Оно и в самом деле уходило в недра огромного ребенка, как дым.

Мелкий закрыл глаза и блаженно выдохнул. Вместо яркой радуги из его рта вышел коричневый дым. По его цвету я предположил, что воняет он отвратно, не в пример красочным мыслям моего друга. Надо было скорее вызволять змея. Этот обжора мог довести Антоша до ментального истощения. Мелкий противно смеялся, будто получал наркотическое удовольствие от мыслей змея.

Кажется, я догадался, что в этом междумирье мысли так же материальны, как вещи в моем мире. Мне пришла идея превратить себя в огромного страшного змея. Спустя секунду я ощутил извивающееся между сосудов новое тело, которым я знал, как управлять. Ставку я сделал на внезапность.

– Здравствуй, мальчик. Ты не видел моего сына? Ой, вот он.

Мелкий выронил из рук сосуд и уставился на меня.

– Спасибо, что нашел.

Мелкий начал орать, чем привлек внимание отца. Взрослая особь, недолго думая, кинулась на защиту сына. Учитывая, что этот мир был их вотчиной и чудовищный стеклодув знал его законы, с воображением противника тягаться мне было сложно. Я приготовился к схватке, однако ее не случилось. Родитель бросил в меня недоделанный сосуд, который я отбил хвостом, и замер, будто испугался.

– Забирайте его и уходите! – крикнул он. – Как вы смогли

проникнуть сюда, как вы догадались, что нужно делать?

У меня в голове пронеслось несколько вариантов ответа, но я выбрал самый подходящий:

– Я понял, что вы питаетесь чужим воображением, потому что у вас нет своего. А уж я могу такого вам навообразить, что вы животы свои надорвете и лопнете от смеха.

– Прошу, пощадите. Я один воспитываю сына, нам очень тяжело.

– То-то я смотрю, вы оба с голоду пухнете.

Я обвил кольцами сосуд с Антошем и вытряхнул его оттуда. Змей упал и остался лежать на месте.

– Изверги. Сейчас бы вас на кусочки порезать, да времени нет. Антош, вставай, мы уходим. Где тут у вас выход?

– Вот он! – выкрикнул папаша.

Что-то темное метнулось под мое воображаемое змеиное тело, и пол разверзся под ним. Я едва успел схватить Антоша. Мы не провалились вниз. Рука Ляли держала нас очень крепко. Я представил себя драконом и сразу же обрел кожистые крылья и вырывающееся из пасти огненное дыхание. Размахивая крыльями, мне удалось вырваться из затягивающей дыры. Для профилактики я дыхнул огнем в сторону вероломного родителя.

– Что, жабоид, потягаешься с моим воображением?

– Уходите, оставьте нас, – упал он на колени и пополз в мою сторону.

– В следующий раз я вытащу вас в свой мир, посмотрим,

как вам это придется по вкусу.

Я вернулся назад в машину. Открыл глаза и понял, что тяжелый груз у меня на ногах – это Антош. Змей открыл пасть. Его язык свесился почти до пола. Борис приоткрыл дверцу, чтобы при первых признаках змеиной агрессии выбежать на улицу.

– Не бойся, он добрее нас. Ему бы сейчас сто грамм для сугрева и для восстановления воображения.

– Так у нас есть спирт, – ответил Борис. – Петр, достань мой термос.

– Так ты говорил, что в нем отвар шиповника.

– Так я перепутал. Не отвар, а настой.

Ляля подняла голову змея и положила ее себе на колени.

– Бедняга! Что там произошло?

Я описал ей в двух словах, как существа питались воображением нашего друга.

– Ой, бывает же такое. Представляю, как можно ожиреть на чужих фантазиях!

– Так они и ожирели. Два кабана размером с эту машину. Так-то в этом междумирье прикольно, можно получить все, что представишь, прямо как волшебник.

– Через неделю от скуки сохнешь, когда нечего уже будет воображать.

– Точно, и сам станешь, как паук, вылавливать мух с воображением.

В окошке появился затертый термос. Борис принял его,

привычным движением свинтил крышку и втянул носом идущий изнутри аромат.

– Мой рецепт, лечебный. Шиповник, мед, чабрец и немного тысячелистника для улучшения моторики желудка. Открой бардачок, – попросил он кошку.

Ляля замешкалась. В ее мире ручки на всем, что можно было открыть, делали более явными. Я помог ей.

– стакан достань, – продолжил Борис.

Ляля вынула стакан и осторожно понюхала его. Ее передернуло. Она передала емкость Борису. Водитель не глядя дунул в сосуд, выгоняя пыль, и плеснул через край термоса красноватой жидкости.

– Бальзам, панацея, – произнес он с любовью и передал мне стакан. – Нашатырь вашему дружбану надо, чтобы в себя пришел, иначе мимо рта прольет.

Почти сразу из окошка появилась рука Петра с ваткой, сильно пахнувшей аммиаком.

– Я тут уже давно прикладываюсь, все надеюсь прийти в себя.

Я взял ватку и приложил ее к изумрудному носу змея. Антош дернулся и приоткрыл глаза. Тонкие щелки зрачков медленно переместились, будто у него не осталось сил даже двигать глазами.

– Привет! – Кошка провела по голове змея рукой. – Это мы с Жоржем.

– Здорово, Большой Змей, открой рот, я волью тебе ле-

карство.

– М? – не открывая рта, переспросил змей.

– Отличная настойка, которая вернет тебя к жизни. – Я показал ему стакан с жидкостью.

– М-м-м, – сообразил змей и медленно разинул огромный рот.

Борис смотрел на это с видом человека, на глазах которого осуществляется первая встреча людей с пришельцами. Ляля приподняла голову Антоша, а я влил в пасть настойку. Змей громко сглотнул и снова закрыл глаза.

– Зеленый змей, – пояснил я шокированному Борису процесс лечения друга.

Антош пролежал без движения минуту или больше. Внутри него, судя по доносящимся звукам, начались процессы активной жизнедеятельности. Вдруг Антош резко открыл глаза, поднял голову и посмотрел на нас.

– Что? Это мне не кажется? Жорж, Ляля, это правда вы?

– Правда, Антош, это мы. – Кошка нежно провела ему рукой от носа к шее. – Жорж вытащил тебя.

– Мы вытащили вместе. – Я не был эгоистом.

– Как вы догадались? – спросил змей слабым голосом.

– Вот так, захочешь спасти друга – начнешь ворочать мозгами.

– Эти твари питаются нашими эмоциями. Любят что-нибудь веселое, легкое. Выжали меня так, что я ни о чем не хотел думать, кроме смерти. Сволочи. – Антош закрыл глаза.

– Ничего, теперь всё в прошлом. – Ляля продолжала гладить змея.

– Жрать хочу, – отрывисто произнес змей в несвойственной для прожженного интеллигента манере.

Я понял, что с собой у нас нет ничего съестного, значит, надо идти в миры, где можно перекусить.

– Борис, трогай, – попросил я водителя и сконцентрировался на накрытом обеденном столе – предпочтительно на открытом воздухе.

Мое воображение быстро нашло отклик. Скорая помощь выкатилась под сень берез к деревянному столу, накрытому яствами в старинном стиле. Самовар, из которого еще курился дым, с ожерельем из сушек в центре стола, деревянные чаши с фруктами, похлебками и жареным мясом. Людей рядом не было видно, как я и представлял себе. Борис остановил машину.

– За чей счет банкет? – спросил он, не сводя глаз с запеченной свиной коленки.

– Вообще надо привыкать к тому, что в мирах можно разжиться чем угодно бесплатно. Нужно только не терять бдительность, если хозяин объявится. Угощайся, не переживай. Считай, что это подношения богам, то есть нам.

Борис ухмыльнулся. Стукнул в заднюю стенку костяшкой пальца:

– Петруха, обед.

Мне, как в старые добрые времена, когда я только позна-

комился с Антошем, пришлось нести его на себе. Он был тяжел и даже не пытался хоть как-то помочь мне взвалить его тело на плечи. Когда змей страдал, он делал это на все сто процентов.

Вокруг стола находились лавки, вырезанные из свежего дерева. Они даже не успели потемнеть на воздухе.

– Не отравленное? – Петр принюхался к блюдам. – Что-то я не верю в халяву.

– Прекрати, мы не новички в этом деле, сто раз ели в разных мирах и даже несварения ни разу не заработали.

– Да, только похмельный синдром, – добавила Ляля. Она сразу потянулась за мясом. Взяла телячьи ребрышки и откусила солидный кусок.

– Ну как? – поинтересовался я.

Ляля погоняла по рту откушенный кусок.

– М-м-м, вкус немного необычный, какие-то непривычные специи, видимо, но в целом недурно. Присоединяйся.

Не знаю почему, но я решил повременить. Дело в том, что я представил просто еду, не заботясь о том, какие у нее будут свойства. Петр решил начать с фруктов. Он уминал сочные плоды, похожие на персики, разбрызгивая вокруг себя сок.

– Аккуратнее, Петруха, у меня майка новая, полгода еще не ношу. – Борис не замечал, как жир со свиной коленки стекал у него по подбородку и капал на майку.

Я решил, что пора покормить Антоша. Змей лежал вдоль лавки. Я поднял его голову и положил на стол. Антош при-

открыл глаза.

– Что ты хочешь? – спросил я его.

– Всё, – ответил он еле слышно. – Клади в рот, а я буду жевать.

Антош открыл рот. Я бросил в него несколько виноградин. Змей почувствовал их присутствие и принялся медленно жевать. Проглотил и снова открыл рот. Мясо я опасался ему давать, не зная, сколько времени, он провел совсем без еды. Разломил персик, вынул косточку и положил ему в рот обе половины. Змей пару раз шевельнул челюстями и проглотил.

– Запить, – попросил он.

– Сок, квас?

– То же, что и в прошлый раз.

Борис услышал просьбу, поднялся из-за стола и направился к машине за термосом. Его качнуло.

– Ох, чтоб тебя, штормит. Вроде и не пил. Инсульт, что ли, приближается? – забубнил он.

Ляля поднялась и потянулась через стол за куском нарезанного пирога, из которого торчал кусок красной рыбы. Она оперлась на одну руку, а вторую приложила ко лбу.

– Что-то голова кружится. Слабость какая-то.

Я сразу понял, что с халявной едой не все так просто.

– Ляля, Петр, больше к еде не притрагивайтесь. Бегом в машину.

Я схватил вяло протестующего змея, повесил его на шею,

ухватил за руку кошку и направился к машине. Борис из нее так и не показался. Салон сотрясал могучий храп. Накрытый стол оказался приманкой, но кто мог знать, что мы появимся здесь? Возможно, эта еда действительно предназначалась совсем не нам.

Петр помог мне сгрузить змея и усадил теряющую сознание Лялю.

– Слушай, ты же врач, сделай что-нибудь, как при отравлении.

– Сделаю, – пообещал тот.

Я сел за руль и, когда захлопнул дверь и бросил последний взгляд на стол-приманку, обомлел. Пространство вокруг стола принялось быстро трансформироваться, будто голограмма, а сквозь текстуры березового леса проступили фигуры существ, направляющихся в нашу сторону.

– Твою ж... светлейшую персону отрадно видеть нынче нам.

Что-то в последнее время на нас объявили охоту какие-то существа, умеющие по-своему обращаться с пространством. Зачем им при таких способностях нужно жить как примитивным паукам, расставляя приманки и вылавливая таких умных существ, как мы? Я закрыл глаза и представил безопасный мир с речкой. Тягучая мысль, будто отупляемая чужим разумом, никак не хотела уцепиться за знакомый образ.

– Антошка, быстрее бы ты пришел в себя. В одиночку стало совсем трудно бродить по мирам.

Я напряг все силы, будто тягал двухпудовую гирию, надавил на газ и направил машину прямо на «хищников». Глаза у меня были закрыты, поэтому я не знал, чем был вызван удар о бампер скорой помощи. Открыл я глаза, когда почувствовал, что мир поменялся.

– Наелся, блин, рябины! – Я стукнул кулаком в клаксон.

Сигнал коротко звякнул. Выходит, в прошлые наши путешествия по мирам нам либо глобально везло, либо мы перешли на новый уровень, на котором такие ловушки – обычная вещь. Из салона доносился храп Бориса.

– Живы? – спросил я через окно.

– Живы. Никаких угнетений функций организма не заметно. Они спят.

– Ясно. Мы им были нужны живыми. С нас хотели постричь какую-то шерсть, как и с Антоша. Думаю, эти твари тоже питаются чем-то нематериальным, типа наших эмоций.

– Звучит безумно, но я начинаю привыкать.

– А на тебя не подействовало?

– Вроде нет. Я не ел мясо.

– Антош тоже не ел.

– Ваш друг не спит.

– Что? Антош, ты что молчишь, подлец? – Я уткнулся в окошко, в которое мое лицо не помещалось полностью.

Змей смотрел на меня желтым немигающим взглядом.

– Мне гораздо лучше, Жорж. Если бы еще немного того напитка, я бы совсем пришел в норму.

– Конечно. Я сейчас переберусь к вам.

Борис держал термос в руках. Я вытащил его, свинтил пробку, одновременно являющуюся и стаканчиком, и плеснул в нее остро пахнущей жидкости. Сам сделал глоток, чтобы прочистить ум, пребывающий в каком-то заторможенном состоянии, остальное вылил в заблаговременно разинутую пасть Антоша.

Алкоголь помог и мне, и змею.

– Всё теперь не так, как было в первый раз, – произнес я печально. – Однако нас снова преследуют неприятности, как в начале первого путешествия.

– Они даже более непредсказуемые и опасные. Я думаю, что это какой-то эмоциональный подуровень вселенной, в котором развелись паразиты, питающиеся за счет чужих чувств. – Антош, кажется, окончательно пришел в себя, раз делал такие глубокомысленные заключения.

– Это да, я даже видел, как тот мелкий ублюдок высасывал из сосуда, в котором ты сидел, твои радужные эмоции.

– Я всегда вспоминал наши приключения, чтобы накормить эту скотину ненасытную. Что, мои мысли выглядели красиво?

– Очень. А почему эти жабобегемоты держали всех в сосудах?

– А они каким-то образом не давали материализовать твою фантазию. Как ни тужься, из тебя будет лезть только цветной дым, которым те монстры питаются.

– Вот ведь, теперь и мои фантазии превратились в источник чьей-то нездоровой заинтересованности.

В свете последних событий спешить с перемещениями по мирам не стоило. Неизвестно еще, какого уровня хищников можно повстречать в прослойке между мирами.

– А ведь прежде такого не было, – произнесла Ляля. Кошка повела глазами в сторону салона скорой помощи, намекая, что причиной проблем могли быть наши спутники.

– Со мной это случилось раньше. – Змей указал на нестыковку в ее гипотезе. – Думаю, что мы смогли подняться на другой уровень, открывающий нам такие неприятные моменты. Помните же, в первые наши перемещения у нас всегда были те же проблемы?

– Ох уж эти бесконечные предположения! – вздохнула Ляля. – Так хочется стать простой волшебницей, которая все делает одним взмахом руки.

Она вытянула ладонь с мягкими подушечками в сторону лобового стекла. Вдруг перед нами прямо из ниоткуда появился растрепанный и испуганный Вениамин. Он ошалело озирался, а когда понял, что перед ним его родной автомобиль, кинулся к нему.

– Мужики, ваш коллега вернулся! – крикнул я в окошко.

– Кто, Веня? – заволновался Борис.

Тот уже распахнул дверь и, чуть ли не плача, бросился обниматься к товарищам.

Ляля удивленно рассматривала свою руку:

– А что, так можно было?

– Так ты теперь не только выталкивать умеешь, но и затягивать назад. Это же круто! – Я полез через тело Антоша обниматься к кошке. – Теперь водку в холодильник можно будет ставить, не вставая со стула.

Ляля прыснула и дала себя потискать. Антош был еще слаб, чтобы комментировать вслух отношения теплокровных в свете своих представлений. Он только закрыл глаза и тяжело вздыхал, распространяя по салону аромат свежего перегара.

Новое умение благотворно сказалось на Ляле. Настроение у нее улучшилось. От мысли, что она теперь умеет пользоваться даром в обе стороны, ей стало весело. Пропали разъедающие психику мысли о собственном несовершенстве, о травмах, причиненных людям, которых она отправила в другие миры.

За стенкой Вениамин шумно рассказывал о том мире, в котором прожил двое суток.

– Это, значаца, болото такое смрадное, тухлое, и я на острове сию. Вокруг меня туман, в котором уханья, оханья, крики, стоны, а я ничего не вижу, а страх такой продирает от этой неизвестности – и словами не расскажешь, звездеч. Я два часа крепился, думал, что вы за мной придете, с этими... А потом, когда понял, что не придете, начал плакать. И мысли даже не было, чтобы держаться как мужик. Зачем? Все равно смерть. А потом мой островок поплыл, и мне ста-

ло так страшно, что я хотел в воду прыгнуть и плыть, плыть куда угодно. Представляете? Налей, дядь Борис, настойки, трясет меня.

– И ты знал, что это не отвар?

– Так это мы с дядей Борисом берегли на твой день рождения.

– Что, правда, что ли?

– Да, хотели с Вениамином поздравить после смены.

– А, тогда ладно. А то я уже думал, что вы от меня секреты держите.

– Да какие секреты, Петр.

Раздался шум наливающейся в посуду жидкости. Глоток и выдох.

– О-о-ох, нектар.

– А что дальше-то?

– А дальше мой островок долго дрейфовал, а потом начал охотиться на каких-то гигантских слизней, что сидели на плавающих растениях. Пару раз я чуть не свалился в воду. Думаю, меня он тоже проглотил бы и не подавился.

– Вряд ли, Вень, у тебя же скелет есть, а это существо наверняка неприспособлено питаться животными со скелетом.

– Спасибо. В тот момент я чувствовал себя настоящим слизнем. Плесни еще, не верится, что все закончилось.

– Друзья, все только начинается, – не удержался я от комментария к услышанному.

В салоне воцарилась десятисекундная пауза.

Глава 4

Так как вся команда опять была в сборе, представлялось возможным снова заняться планированием дальнейшего пути. Цель его все та же – недоступный Транзабар, фантом, мираж, фата-моргана, такая осязаемая, но несбыточная цель. Нечаянных спутников решили рассматривать как прицеп, который надо довести до места назначения. Их не особо посвящали в планы, а они в свою очередь не особо ими интересовались, отдавая себя в полное наше распоряжение. Кажется, они уже свыклись с мыслью, что назад дороги нет.

Мое сознание и сознание Антоша скользили по воображаемому городу, как по поверхности с нулевым трением. Никак не могли зацепиться. Ни один прием из прошлых попыток не работал.

– Это твои земляки нам всё портят, – предположила Ляля.

– Я не могу их бросить, это жестоко. Они сразу же погибнут. Миры будут их отторгать. Я уверен, что дело не в них. Или, может быть, и в них тоже, но нам они для этого и даны: чтобы мы привели их в Транзабар.

– А что с ними не так? Почему они не могут вернуться назад? Отец Ляли смог, а эти – нет. Значит, у них есть причины. Может быть, в них кроется ответ? – Змей редко предлагал свои идеи, но те, что он высказывал, всегда казались дельными.

Парням решили устроить допрос с пристрастием, чтобы выведать у них общие причины не возвращаться домой, для чего их собрали у костра в известном миреке с речкой, с шашлычком – или похожим на него аналогом, украденным прямо из мангала в одном из «жоржеобразных» миров, – и бутылкой крепкого напитка, чтобы развязать языки.

Было по-земному уютно. Дрова в костре трещали, выстреливая искрами, тающими во тьме. Над огнем вилась мошкара. По округе разносился приятный аромат жарящегося мяса.

– Вы давно вместе? – спросил я коллег.

– Мы-то? – Борис оглядел товарищей. – Пятый год, как с нами Вениамин. До этого была Лариса, но она не выдержала. Ушла в запой и не вернулась. А так мы с Петром больше десяти лет в одном экипаже. Уже три машины поменяли.

– Лариса умерла?

– Нет, что ты. В бизнес подалась, в медицинский. Аптеки-шмаптеки, короче, променяла профессионализм на деньги.

– Ясно. У вас таких мыслей не возникало?

– А у меня откуда? Я же водитель. Я только бензин продать могу, вот и весь мой бизнес.

– А я вообще неспособный к бизнесу. – Петр поднял пластиковый стаканчик со спиртным и понюхал его. – Честный слишком. Хотел одно время подшабашить, втюхивать лекарства больным от себя, но не смог, раздал бесплатно. Одним

словом – лох. – Он выпил залпом, не поморщившись. – Всё в моей жизни наперекосяк. Я даже в эту историю умудрился попасть.

– Зря ты так думаешь, – решил я успокоить Петра. – Это начало больших перемен в лучшую сторону. Уж поверь моему опыту и опыту моих друзей.

Ляля и Антош согласно закивали.

– Не уверен. Мне мои коллеги тоже говорили, что хорошо зарабатывают на лекарствах, а я не смог. Лох я, очень честный и добрый, как доктор Айболит, хочу всех вылечить. Знаете, как я записан у дочери в телефоне?

– Как?

– «Деньги на баланс». Это нормально? Я же отец, я же никогда не запишу ее «Просит жрать и шмотки».

Веня заржал во весь в голос.

– А что, если бы она спалила, может быть, и одумалась бы.

– Не знаю. Слабо верится. А супружеское ложе у нас уже давно френдзоной зовется. Скрипит, только когда мы пыхтим, чтобы перевернуться с боку на бок. Эх, жизнь проходит как-то не так, как я планировал.

– Да у кого она «так»? – Борис двинул непрогоревшие концы дров в костер. – Не скажу, что моя жизнь сильно отличается от твоей. Только в нюансах. У меня двое сыновей, которые вспоминают о нас с матерью в день получки. Оболтусы. Хотя я виноват в том, что редко был с ними. Не заметил, как они выросли. На работе постоянно пытаются выгнать на

пенсию, говорят, что старый. А я же как терминатор – старый, но не бесполезный, за баранку еще держусь о-го-го, лучше любого молодого.

Мы не услышали только исповеди Вениамина. Я разлил спиртное, очень похожее на ром со специями, по стаканчикам. Вставляло оно хорошо, вкуче с располагающей обстановкой накатывала расслабляющая эйфория. Змей лежал перед костром и вполглаза наблюдал за всеми.

– Вениамин, а я чувствую в вас родственную душу, – неожиданно произнес Антош. – Вы тоже любите предаваться размышлениям?

– Да, а как ты догадался? – удивился молодой врач.

– У вас часто на лице появляется отсутствующее выражение, будто вы глубоко погружены в размышления.

– Бывает такое. Меня считают рассеянным, несобренным, даже придурковатым. Знаете ли, когда я пытаюсь казаться остроумным, мои шутки обычно не воспринимают, отчего я начал считать себя идиотом. Вот скажите, разве не смешно: однажды я переписывался с девушкой и решил ее разыграть. Написал, что приглашаю ее в ресторан японской кухни «Хатико», столик якобы забронировал на вечер, но еду подадут только утром. Она, естественно, удивилась, почему надо так долго ждать, а я ответил, что девиз ресторана – «Хатико ждал, и вы подождете». Вместо того чтобы поржать, она удалила меня из друзей, и мы больше не общались. Скажите, разве это было не смешно?

– Смешно. Просто прежде, чем шутить перед каждой девушкой, надо выяснить ее кругозор. Они в последнее время с ним не особо заморачиваются, – поддержал я Вениamina. – Это даже и хорошо, что они сразу отваливаются, как перезревшие груши. Ту, которая искренне будет смеяться над твоими шутками, надо сразу тащить в ЗАГС.

– Была одна, но страшенькая.

– Ё-моё, Веня, ты тоже не принц.

– Спасибо.

После моего «комплимента» повисла тишина. Каждый из безбилетников думал о своем прошлом – точно так, как это было с нами. Любой из иномирцев сначала переживал первобытный страх отлучения от родного мира, а затем для него наступал период, во время которого выяснялось, что потерян не так уж и много и рваться назад сломя голову не стоит. Антош неподвижно взирал на огонь, и блеск его глаз гипнотизировал новичков. Ляля отмахивалась от назойливой мошкары, посылая ее гудящие облака одним движением руки в неизведанные миры. Кто знает, может быть, она совершала преступление, нарушая баланс в тех мирах, только нам в этот момент было плевать. Нам сейчас хорошо оттого, что мы вместе, оттого, что спутники доверили нам свое сокровенное, а это подразумевало, что они встали на путь осмысления своей жизни. Мне вдруг снова вспомнился отец, расстраивающийся по поводу того, что его старая «копейка» – последний автомобиль в жизни, который он может себе поз-

волить.

– Бате машину надо справить. – Я первым нарушил молчание.

– Каким образом? – поинтересовался змей.

– Не придумал еще. Можно, конечно, ограбить банк или инкассаторскую машину, но я не хочу так делать. Всегда был против воровства.

– А может, золотишко намыть и сдать в вашем мире за ваши деньги? – предложила Ляля.

– Это идея. – Мне понравилось предложение кошки.

– А можно отреставрировать старую. Отец, наверное, уже привык к ней? – посоветовал Борис, которому ментальность пожилых людей была понятнее.

– На какие шиши?

– Ну да, везде нужны деньги, – согласился водитель скорой помощи.

– Ну почему везде? А как же варианты миров, в которых мог победить коммунизм? Ты же сам, дядь Борь, рассказывал про коммунизм, что там все бесплатно.

– Да это, Вень, сказки несбыточные.

– Постойте, постойте, эта идея мне очень нравится. Я бы хотел глянуть хоть одним глазком на мир, в котором ни за что не надо платить. Точно, завтра едем к светлой победе коммунизма, но прежде я заберу у отца машину.

Я оставил товарищей у костра, а сам представил подъезд родной пятиэтажки, пропахший кошачьей мочой. Сознание

быстро выловило из миллиона вариантов нужный. Мгновение – и свежая непроглядная тьма сменилась душной ночью у родного дома. Я заскочил в подъезд, дверь которого кто-то заботливо подпер кирпичом, чтобы не закрывалась. Поднялся до родительской квартиры и постучал в дверь.

– Кто? – глухо спросил отец.

– Это я, бать, Жорж, тьфу, Игорьь.

Дверь приоткрылась на цепочке. Отец подозрительно посмотрел на меня.

– Пьяный? – спросил он шепотом, чтобы не услышала мать.

– Нет. Оговорился просто, это мой ник в соцсетях, прирос уже, как второе имя.

– А. – Отец снял цепочку. – Заходи. У нас макароны на ужин, как в тюрьме.

– О, понесло старого. – Из кухни показалась мать. – Макароны ему не еда. Привет, сынок, что случилось?

– Короче, я попал в небольшое ДТП на трассе, машину увезли на эвакуаторе, а я хотел попросить у вас машину на пару дней, чтобы помотаться по сервисам, по банкам.

– Я так и знала. – Мать хлопнула себя по бедрам. – С утра сердце дурное чуяло.

– А когда оно у тебя не чуяло? Может, ты и накликала. Дадим, сынок, раз надо, только у меня сцепление ерундит, цилиндр пропускает, надо переключаться очень быстро.

– Я в курсе, бать. У меня страховка хорошая, я тебе по-

меняю цилиндр до кучи к своим запчастям.

– О-о-о, это было бы неплохо, а то у нас дачный сезон из-за этого сцепления буксует. – Отец прошел на кухню и открыл дверь холодильника. – Ты с ночевкой?

– Не, поеду, дел выше крыши.

– Да какие ночью дела, Игорек, – засомневалась мать. – Ты на нервах, поди, не дай бог, опять влетишь куда-нибудь.

– Не, я машину загнал в круглосуточный сервис, так что парни меня будут ждать.

По лицу отца я понял, что он расстроился из-за того, что повод выпить сорвался. Он захлопнул холодильник, прошаркал в спальню и вышел оттуда с ключами.

– Там еще днище бы проварить, проржавело начисто, как бы мать на ходу не потерять.

– Ладно, все сделаю, верну как новую.

– Верни хоть какую. – Мать всегда подозревала меня в том, что я могу не выполнить обещание. Она была права, именно таким я и был раньше: давая обещание, я и не думал выполнять его, если оно вызывало у меня затруднения.

– Верну – не узнаете.

Я пожал отцу руку, поцеловал мать в щеку и выбежал из квартиры. Спустился по крутым ступенькам вниз и направился к отцовской машине, которую он всегда парковал на одном и том же месте уже больше тридцати лет. Машина завелась с первого раза. Отец всегда следил за тем, что можно было починить самому. Прогрел старый карбюраторный

двигатель, включил свет, нажал сцепление и попытался воткнуть первую передачу. Она затрещала и не вошла в зацепление.

– Быстрее надо! – услышал я голос отца с балкона.

Точно, я уже успел позабыть о недуге. Я нажал сцепление еще раз и сразу толкнул рычаг коробки вперед. У меня получилось. Пока я наслаждался успехом, машина самопроизвольно начала движение, хоть я и держал педаль сцепления упертой в пол.

Теперь мне были понятны переживания отца. Езда на такой машине превращалась в настоящее испытание нервов. Я проехал к торцу дома, где царила непроглядная тьма. Выключил свет, представил свою компанию у костра и тронулся. Мысли мгновенно перенесли меня в пункт назначения.

Мои друзья повскакивали на ноги, когда слышали шум двигателя отцовской «копейки». Я заглушил машину и вышел наружу, громко хлопнув дверцей.

– Раритет, – оценил Вениамин. – Старше меня, наверное?

– Наверняка, – согласился я. – Это уже не просто автомобиль, а член семьи, менять его на другого как-то несправедливо.

– В самую точку, – поддержал Борис. – Старый, но не бесполезный.

Вскоре после моего возвращения компанию сморил сон. Лялю, как единственную женщину, уложили на самую комфортную постель – носилки. Борис устроился на диване в

кабине, Петр и Веня – на полу в салоне, Антош и я – в отцовской «копейке»: я на заднем диване, змей на переднем пассажирском сиденье. Не считая того, что я спал в позе эмбриона, в которой у меня затекали ноги, можно сказать, что ночь прошла хорошо. С наступлением долгожданного утра я почувствовал себя бодрым и готовым идти куда угодно, особенно к коммунизму.

– Завтракать будем в бесплатной столовой борщом, кашей с подливой и на десерт сметаной с сахаром, – пообещал я своим спутникам.

– Я пломбир хочу, советский, – ностальгически закатил глаза Борис. – Как сейчас помню этот вкус.

– А я газировку за три копейки из автомата, – подхватил Петр.

Перед тем как отправиться, возникло затруднение технического плана. Вести в другой мир должен был кто-то один, а машин у нас было две. Решили сделать так. За руль отцовской машины сел Борис. Смотрелся он в ней довольно гармонично. «Копейку» подцепили тросом к «скорой помощи», за руль которой сел я.

Представлять пришлось долго. Я же не знал, кроме термина «коммунизм», как точно должен выглядеть этот мир. Приоритетом для меня было отсутствие товарно-денежных отношений, технически развитая цивилизация и никакого контроля личности. Сразу отсеялось большинство миров. Из тех, что остались, я выбрал тот, что больше походил на агит-

плакаты про СССР.

Мы как раз выкатились своим тандемом к большому плакату на перекрестке дорог. Он стоял над впечатляющей клумбой из пестрых цветов, высаженных в определенном порядке и образующих число 237. По дороге, совершенно ее не касаясь, бесшумно скользили машины, по сравнению с которыми наши выглядели как памятники из прошлого.

– Ни хрена себе! – Веня выставился в окно, любуясь пейзажами коммунистического города.

Чуть поодаль от клумбы, за широким зеленым газоном, над которым радужно переливались разбрызгиваемые фонтанчиками струи воды, начинались дома. Дизайн их хотелось назвать спорным: соединение кубического, сферического и прочего, не совсем стыкующегося в моем представлении. Чего было не отнять у этих построек – так это ощущения футуризма. Они напоминали картинки, которыми забавлялись художники, рисующие города будущего.

Также меня не покидало ощущение здоровой окружающей среды. Дышалось легко, воздух был напоен ароматом свежести и влаги.

– Нас сейчас за наши бензиновые тачки заметут в полицию, – забеспокоился Петр. – Или в милицию.

– Не бойтесь раньше времени. Замести нас не так уж и просто, – успокоил я его. – У кого бы спросить, как нам добраться до автосервиса?

Все, кроме Ляли и Антоша, выбрались на улицу. Почти

сразу же в нашу сторону направился парящий автомобиль. Он бесшумно замер рядом с нами. Его дверца откинулась вверх, и оттуда выбрался вполне себе гуманоидный человек с широкой улыбкой во все лицо.

– Добрый день! – ощерился он еще шире.

Казалось, что с таким проявлением дружелюбия он кинется обниматься к каждому из нас.

– Вы, как я понимаю, реставраторы старинных автомобилей? – спросил он, не сводя глаз с наших машин. – Чудо как сохранились.

– Верно. – Я был рад тому, что незнакомец за нас придумал достоверную версию. – Хотим придать более первозданный вид. Убрать ржавчину, подремонтировать, чтобы сами могли передвигаться.

– Ну, это ни к чему. Нашим растениям их химическое топливо будет не по душе.

– Согласен, просто хотелось стопроцентной историчности. Не подскажите, где тут поблизости реставрируют?

– О, вы находитесь почти там, где нужно. Вам сюда. – Он махнул в сторону газона.

– На газон? – растерялся я.

Человек секунду соображал, а потом рассмеялся, будто я очень удачно пошутил.

– Вы не местные, что ли? – догадался он.

– Нет, мы издалека.

– Ясно. А я уж думал, у нас на всем земном шаре все оди-

наковое.

– Почти, с нюансами. У нас горы.

– Тогда понятно. Дети гор, орлы. У вас там всё к небу стремится, а у нас под землю.

Мужчина нажал что-то на своем запястье, и в тот же миг рядом с нами опустилась часть поверхности, и в проходе я увидел ярко освещенные коридоры.

– Вам туда. – Туземец снова ощерился довольной улыбкой.

– Большое вам спасибо. Вы нам очень помогли, – поблагодарил я его.

– Да уж прямо-таки помог. Вы такие молодцы, что нашли это старье.

Он сжал ладони в кулаки перед лицом на прощание, сел в машину и уехал.

– «Старье»! – Борис вздохнул. – Три года всего.

– Ну что, поехали в подземный город, пока не закрылось, – заторопился я.

Мы расселись по местам и осторожно покатались вниз. На уровне пола нас подхватили самоходные платформы и повезли куда-то. Двигатель скорой заглох сам собой, будто его отключили дистанционно. Ляля просунула мордашу в окошко кабины и взволнованно поинтересовалась:

– Жорж, а может, нас везут на скотобойню?

– Успокойся, пока не вижу причин для паники. Человек был очень любезен, непохоже, чтобы он замышлял что-то

кровоавое.

– Слишком любезен, – заметил Антош.

– Времена здесь такие коммунистические, все любезны, все рады, это вам не человек человеку волк, как при капитализме, – высказался Петр.

Хотелось ему верить.

Мимо проплывали улицы с пешеходами, магазинами, столовыми, будочками, ларечками, парками и фонтанами. Из-за яркого искусственного света, идущего сверху, казалось, что над головой небо. Никакой клаустрофобии не было и в помине.

Платформы, видимо, сами знали, куда нас доставить. Они остановились возле здания с большими воротами, над которыми висел веселенький плакат, прославляющий труд рабочих-автослесарей. Причем в руках жизнерадостных мужчин и женщин находились не ключи и домкраты, а пульта и голографические экраны.

– Так-так, кажется, сейчас нас будут починять. – От волнения, вызванного тесным контактом с чужим миром, у меня вспотели ладони. Я потер ими по штанинам.

Ворота ушли вверх, а платформы закатали нас внутрь помещения – такого же светлого, как и подземная улица. Мы остановились напротив окошка с лучезарной девицей. Надпись по дуге над окошком гласила, что это место мастера-приемщика.

– Добрый день! – просияла девушка.

Я почувствовал справа от себя взволнованное дыхание Ляли.

– Лыбится, как будто ей кошелек вернули.

Кажется, молодая девушка вызывала у нее чувство ревности.

– Добрый! – ответил я мастеру и улыбнулся так же широко.

– Мы уже получили заявку на реставрацию и рады, что вы выбрали нас. Хотите обсудить какие-то особенности или же оставим стандартные условия?

– Так, а что входит в стандартные? Внешний вид?

– Не только. Внешний вид, восстановление интерьера, деталей, создающих комфорт, без восстановления способности передвигаться самостоятельно.

– Тогда нам по особым условиям. Смотрите, в той машине, легковой, надо сделать все так, будто она только что сошла с конвейера, чтобы блестела новеньким и пахла так же. Номера на шасси и двигателе должны остаться теми же, плюс номера государственной регистрации. Потом надо полностью восстановить все изношенные детали: мотор, сцепление, все по электрике, педальный узел, бобину, мост, карбюратор.

– Так, мотор на химическом топливе мы делать не будем по причине его экологической несовместимости с нынешними требованиями. Вместо него мы поставим стандартный движитель на флюонах. Если хотите сохранить историч-

ность, мы разместим его внутри старого мотора.

– На флюонах? А чем его заправлять?

Девушка рассмеялась:

– Вы совсем вжились в роль человека из прошлого! Флюоны не надо заправлять. Они везде.

– Да? Ладно, но сделайте так, чтобы на всякий случай двигатель мог работать на бензине, так сказать, стопроцентная историчность. Для музея.

– Хорошо. Мы восстановим ваш автомобиль полностью, плюс добавим в него систему активной безопасности, голосовой запуск, климатическую установку с эффектом горного воздуха, вечную смазку, сиденья с массажем, автопилот.

– Автопилот не надо, мой отец любит сам покрутить баранку.

– Хорошо. Руль обтянем специальным противоскользящим материалом, устраняющим потливость рук.

– А у вас есть какие-то системы на случай столкновения?

– Ну, такого у нас не случается, но я понимаю вашу озабоченность, вы не хотите подключать машину в систему ради сохранения историчности.

– Типа того.

– Хорошо, тогда мы установим датчики, которые в случае опасности подадут сигнал, и машина на время, необходимое для избежания столкновения, уйдет в подпространство.

– Ух ты, и это все можно установить на «копейку»?

– Это можно установить хоть на велосипед. Что-нибудь

еще?

– Хватит, вы и так сделали больше, чем я ожидал. Единственное – меня пока флюоны беспокоят: будут ли они в тех местах, откуда я родом?

– Не переживайте, флюоны заполняют собой всю вселенную. Они являются ее невидимой тканью, структурой и одновременно энергией.

– Ладно, а гарантия у вас есть? Если что, я приеду «на галстук» снова.

– Гарантия пожизненная. Оформляем?

У меня екнуло сердце. Вдруг у меня сейчас попросят паспорт или какой-нибудь документ, удостоверяющий личность. Помнится, в СССР это было первым делом.

– Оформляйте. А что для этого нужно?

– Ваше согласие. – Девушка улыбнулась, а у меня невольно зачастило сердце. Она была настолько приветлива, что мне показалось, будто она со мной кокетничает.

– Даю.

– Спасибо. – Она снова ослепительно улыбнулась.

Через секунду к нам подъехали две автоматические тележки. Они подхватили обе машины и покатали внутрь помещения.

– Постойте, а скорую помощь не надо. Она в порядке.

– Извините, но мы обязаны сделать ее соответствующей экологическим требованиям.

– Там люди, они со мной. – Я попытался быстро приду-

мать, как поступить с Лялей и змеем. – У нас представление костюмированное для детей, с удавом и актрисой, изображающей кошку.

– Им придется покинуть машину на время работ, – попросила мастер-приемщица.

– Я уже понял. Эй, братва, выходите! – крикнул я пассажирам скорой. Затем повернулся к девушке. – Где тут у вас можно перекусить?

– В нашей столовой. У нас отличная кухня. Первое, второе, десерты.

– Спасибо. Покажите пальцем, куда идти. – Хоть это и неприлично, но пока еще более верного указателя не придумали. По крайней мере, в моем мире.

Мои спутники вышли из машины. Веня под-джентльменски подал руку Ляле, чтобы помочь ей сойти со ступенек. Кажется, кошка решила подразнить меня. Мастер-приемщица, увидев Лялю, восхищенно открыла рот.

– Ой, какой хороший костюм! Он сидит на вас как влитой.

– Спасибо. Однако он не такой очаровательный, как ваша улыбка. – Это замечание было адресовано в первую очередь мне. – Жорж, заберите удава. – Ляля сделала акцент на последнем слове, подразумевая его унижительное для Антоша значение.

Я забрался в салон. Змей замер в ожидании, когда его возьмут на руки.

– Думаю, с самостоятельно ползающим удавом в этом ми-

ре лучше не ходить.

– Прости, Антош, это же на публику. Ты мой друг, человек и больше никто. Иди на ручки.

Змей взгромоздился мне на шею. Мы вышли наружу. Девушка из окошка с огромным любопытством рассматривала нашу компанию. Ляля улыбнулась ей, показав свои белоснежные клыки. Однако мастер-приемщица вместо испуга испытала восторг и воскликнула:

– Я такие же себе хочу! Не подскажите, где ставили?

– Это бутафорские, реквизит, на зубах еле держатся, – отвлек я девушку. – Через сколько нам подойти? И вы обещали показать нам пальцем направление к столовой.

– Через два часа все будет готово. А столовая находится там. – Она показала тонким указательным пальчиком в сторону оранжереи.

– Спасибо.

Наша пестрая компания, отличающаяся от местной публики неряшливой одеждой и внешностью, лишенной счастливого коммунистического лоска, направилась через приятно пахнущую зеленую оранжерею в открытую столовую. Здесь было так, как принято в старых советских столовых. Все начиналось от стола с подносами, затем длинная витрина с первыми блюдами, вторыми, десертами, и заканчивалось напитками в стаканах. Правда, все, что красовалось на витрине, оказалось голографической обманкой. Хорошо, что перед нами стояли люди, которые показали, что надо де-

лать. Следовало прикоснуться к выбранной голограмме, подождать пару секунд и забрать выехавшую тарелку с едой.

– Антош, тебе чего? – спросил я товарища, поднявшего голову на уровень моего лица.

– Мясного чего-нибудь. Я так устал от этой травы, что меня заставляли есть всякие бродячие монахи.

– Эй, мужики, потише разговаривайте. На нас люди косятся, – предупредил Петр.

Да, мы совершенно забыли, что Антош исполняет роль удава. Змей повернулся в сторону зала со столиками и показал раздвоенный язык.

– Дикари, хоть и развитые, – прошептал он. – Жорж, а спиртное здесь есть?

– Не думаю. Видишь, люди и так выглядят счастливыми, думаю, алкоголь им не нужен. Возьму тебе кисель.

– Бери, мне без разницы, что пить, если в напитке нет градусов.

– Петр, а ты случайно не нарколог? – поинтересовался я у идущего за нами врача, самозабвенно играющегося с голографической едой.

– Случайно нет, а что?

– Человека одного хочу полечить от алкогольной зависимости.

Антош многозначительно сжал мне шею в тисках своего тела.

– Есть в нашей больнице хороший нарколог, кодирует ал-

кашей в нерабочее время, только если ему привести такого пациента, ему самому потребуется помощь.

Антош сверкнул глазами в сторону врача, но промолчал. За нами встали местные жители, бросающие любопытные взгляды на кошку и змея. Я набрал полный поднос и, почему-то чувствуя себя немного неловко из-за того, что моего труда в производстве еды нет никакого, направился к свободному столику. Ляля, грациозно маневрируя под взглядами людей, скоро присоединилась к нам.

– Уф! Там люди с собакой пришли. Она одна догадалась, что я настоящая кошка. Разнервничалась, я думала, сорвется. Чего они собак в общественные места таскают? – Ляля покосилась на людей с мелкой нервной собачонкой, до сих пор не сводившей глаз с кошки.

– Собачелы. Начало, – произнес я с пафосом, давая друзьям вспомнить странную расу людей, сросшихся с собаками пуповиной.

Люди с собачонкой, как назло, решили пройти рядом с нами. Их животное, мелко трясущееся то ли от злости, то ли от страха, а может быть, от того и другого, во все свои немаленькие глазки следило за Лялей. Когда компания с собачкой поравнялась с нашим столиком, кошка не удержалась от широкой улыбки. Бедный песик издал пронзительный визг и уткнулся мордочкой хозяйке в грудь, не переставая при этом трястись.

– Костюм, – пояснил я женщине, удивленной реакцией

своего питомца на Лялю. – Мы из театра юного зрителя, «Маугли» репетируем. Багира, Каа. – Я почему-то был уверен, что в коммунистическом мире обязательно читают Киплинга.

– Замечательно. Обязательно ходим, – пообещала женщина.

Когда она и ее спутник ушли за свой столик, Ляля облегченно вздохнула:

– Чертов детектор. Между нами миллион лет эволюции и миллионы миров, а они всё про нашу вражду помнят. Одно слово – собака.

Врачи сели отдельно от нас и вполголоса переговаривались. Борис, жестикулируя, ностальгически рассказывал своим коллегам о том, что окружающая коммунистическая действительность могла ждать их и в родном мире. Он выступал словно гид, понимающий суть этого уклада жизни. Его взгляд заблестел от слез умиления, когда он показывал на плакаты, выполненные в духе двухцветного минимализма, на стеклянные граненые стаканы, на типовую посуду и обстановку, лишенную вычурного дизайнерского шика, но не ставшую от этого менее самобытной и красивой.

– Еще немного, и Борис уговорит их здесь остаться, – пошутил я вполголоса.

– А здесь мило. – Ляля огляделась. – Да еще всё бесплатно. Это как уменьшенная модель миров: хожу куда хочу, беру что хочу.

– Думаю, не совсем так. За каждым должен быть строгий контроль, чтобы тунейдцы не расплодились. Где халява, всегда появляются люди, желающие бесплатно жрать в три горла.

– А может быть, здесь все за людей делают роботы?

– А девушка на приеме не была роботом.

– Верно.

Обед закончился, а у нас еще оставалось больше часа до момента, когда можно будет забрать восстановленную отцовскую «копейку».

– Может, в кино? – предложил Веня.

– Я за, – поддержал коллегу Петр.

– А деньги? – спросил Борис и тут же сплюнул: – Тьфу ты, забыл, что тут халява. Идемте, конечно. Нет, зачем нам кино, его с собой не унесешь. Идемте в универмаг, возьмем чего-нибудь посущественнее.

Я толкнул локтем Лялю. Она хитро покосилась в мою сторону.

– Лучше все-таки в кино. Не стоит паразитировать на чужом труде.

– Ой, а что там, сильно убавится? Нас пятеро всего, сколько мы с собой унести можем?

– Шестеро. – Антош сразу догадался, что о нем забыли.

– Прости, но я тебя не посчитал, потому как подумал, что тебе ничего не надо в человеческом мире. Ты всегда голый, вот я и решил, что ты аскет.

– Борис, или в кино, или идем ждать, когда починят машину, – настоял я.

– Можно подумать, что, починяя машину, мы не эксплуатируем труд несчастных людей, – уел он меня.

– Ладно, придется тебя оставить здесь отрабатывать. Вернись за тобой через год или два.

– Да... я пошутил же, – осекся Борис, которого сразу оставило наваждение халявой.

– Одно дело – сделать то, что тебе нужно, и всё, а другое – тащить все подряд, нужное и ненужное, лишь бы бесплатно.

– Я понял тебя, Жорж. Согласен с тобой почти полностью, но идемте хоть пломбирчика поедим.

– И газировки из автомата, – добавил Петр.

Кажется, они еще не успели полностью насладиться своим ностальгическим прошлым, которое в этом варианте развития событий эволюционировало в жизнеспособное будущее. Мне же со своей компанией, один из членов которой тяжким грузом у меня на шее изображал удава, было не до прогулок.

– Идите погуляйте, а мы подождем вас в этом парке, на скамейке, – предложил я своим спутникам.

Они радостно согласились и торопливо, будто я мог запретить им, направились вдоль широкой улицы. Мы же заняли свободную скамейку, на которую я с облегчением ссадил со своей шеи Антоша.

– До обеда ты был гораздо легче.

– Прибавка в весе была несущественной, просто у тебя

кровь отлила от всех органов, кроме желудка.

– Не умничай, что люди подумают?

– Они предпочтут посчитать, будто ослышались или тронулись рассудком. Во втором они, конечно, даже себе признаваться не захотят.

– Давайте помолчим, позволим крови выполнить свою работу.

Глаза у меня на самом деле закрывались после плотного обеда. Я откинулся на спинку скамьи и незаметно сполз на мягкое и удобное плечо Ляли. Кошка не стала строить из себя недотрогу, оперлась щекой на мою голову. Через несколько секунд она негромко замурчала. Под ее ритмичное мурлыканье я задремал.

Выспаться не удалось. Троица наших любителей бесплатной натуральной еды вернулась, причем возбужденной и напуганной.

– Облава, Жорж! – Борис потряс меня за плечо. – Менты!

– А мы-то при чем здесь? – Я не мог спросонья разобраться, в чем проблема.

– Облава на тунеядцев. Всех, кто отлынивает от работы, сажают в «воронок».

– Далеко они? – Я поднялся и осторожно выглянул через фигуру дельфина, изо рта которого бил фонтан.

Несколько мужчин в серой форме проверяли всех людей, которых встречали на улице. Они светили им прибором в глаз, после чего либо отпускали, либо надевали наручники.

За стражами порядка уже тянулась вереница скрепленных в одну колонну тунеядцев. Меня это не слишком напугало, но новички тряслись от страха.

– Что, мужики, халява повернулась к вам обратной стороной? Хочешь бесплатного – изволь работать. Идемте в автосервис. Если нарвемся на ментов, хватаемся за змея и я переносу вас в наш любимый мир. Ясно?

Мужики наперебой согласились. Наша пестрая компания торопливым шагом направилась в сторону фирмы, занимающейся реставрацией «автохлама». Мы повернули за угол, и я сразу увидел отцовскую машину. В лучах искусственного освещения она переливалась свежей краской. Машина выглядела как бриллиант. Она, наверное, не была такой, даже когда только сошла с конвейера. Меня поразила скорость, с которой ее привели в такое качественное состояние.

– Ты посмотри на эту цацу! – Даже Борис не смог скрыть свой восторг. Он развел руки и, не скрывая восхищения, обошел машину со всех сторон. – Вот это классика! Вот это формы!

Я открыл водительскую дверцу и сел на сиденье. Интерьер был отреставрирован полностью, но остался тем же. В салоне витал легкий, тонкий аромат парфюма, добавляющий свежести обновленной отделке. Ключ находился в замке. Я повернул его – загорелись приборы, – провернул дальше, и машина завелась. Причем так, будто это был роллс-ройс. Мотор работал едва слышно, а вибрации так вообще никакой.

Из здания вышла мастер-приемщица и направилась к нам.

– Как вам? – спросила она.

– Потрясающе! Нет слов! Как тихо работает мотор! Вы сказали, что там будет какая-то хрень на флюонах? Передумали?

– Нет, что вы. Движитель на флюонах остался, разумеется. Двигатель старого мотора – это простой акустический эффект, чтобы придать реставрации аутентичность. Вы можете отключить звук, а можете оставить, как вам будет удобнее.

– Ничего себе. Оставлю, пожалуй. С коробасом что-нибудь делали? Задняя хрустела.

– Вы про коробку передач?

– Ага.

– Знаете, движителю на флюонах она не нужна, мы поставили на акселератор датчик, который управляет разгоном по старой схеме: чем сильнее давите на педаль, тем активнее разгоняется автомобиль. Мы можем включить и коробку в схему – для полной симуляции процесса.

– Включите, пожалуйста, а то батя подумает, что в машину вселились бесы.

– Как скажете. – Девушка вызвала прямо из воздуха голографический экран со схемами и что-то переключила.

– Готово. – Она широко улыбнулась.

– Спасибо. Не знаю, как вас благодарить, девушка. Для нас это очень многое значит.

– Да что вы, очень интересный экземпляр. Мы даже не

смогли его найти по каталогам. Наверное, его создали штучно в совсем дремучие времена.

– Так и есть. В очень дремучие.

– Знаете, а можно мы сделаем копию вашей машины, на выставке покажем, на парады выезжать? – Приемщица сделала такие глазки, что от их взгляда у меня за спиной раздался горловой звук, который издала Ляля.

– Разумеется, а что для этого надо?

– Ничего, только согласие. Все чертежи у нас уже есть.

– Даю добро. Делайте сколько хотите.

– Кхм, – нарочито закашлялся Борис. – А что я нашей скорой не вижу?

Действительно, машины не было.

– А ее разве не надо было реставрировать? – испугалась мастер. – У нее ведь такой же старый мотор на химическом топливе. Его эксплуатация запрещена. Вашу машину уже доделывают. Мы заменили только двигатель.

– Ну вот! – Борис хлопнул себя по ногам. – Всё, дорога на сервис закрыта. Что я им скажу: что мне какую-то железяку на какой-то хрени вкорячили, до окончания гарантии? Почему же вы без спроса-то? Как я его теперь чинить буду?

– Ой, извините, но я вас так поняла, я даже подумать не могла, что вы не собираетесь... А зачем чинить, у вас все детали будут вечными, на вечной смазке.

– А вдруг? – не унимался Борис.

– Такого никогда не было, но если что-то случится, мы

сами заберем вашу машину и восстановим еще раз.

– Самоуправство!

– Борис, прекрати истерить, – шепнул я ему на ухо. – Что ты нас позоришь перед иномирцами. Извините, девушка, он у нас ужасный ретроград, любит вещи в первозданном виде, эстет, склонный к перфекционизму.

Девушка на миг замерла, будто ушла в себя, затем улыбнулась и снова вернула сознание во взгляд.

– Слова такого ни разу не слышала, посмотрела в большой энциклопедии.

Ворота автосервиса снова поднялись. Машина Бориса, блистающая яркими надписями и переливающимися на гранях фарами, выехала из бокса. Увидев ее, Борис забыл обо всем, что его так беспокоило секунду назад.

– Ой, ё-моё, вы ее что, полиролькой натерли?

– Нет, нанесли специальный восстанавливающий слой. Если вам больше ничего не нужно, я пойду приму следующий заказ.

– Спасибо, девушка. Простите, хотелось бы узнать ваше имя, а то мы как-то казенно пообщались.

Красавица засмушалась, будто я пригласил ее на свидание.

– Ляля, – ответила она скромно.

– Ляля? – переспросил я, подумав, что ослышался.

– Да.

– Красивое имя и очень редкое. Звучит как мелодия. Спа-

сибо вам за все, Ляля.

– Приезжайте еще. – У этой Ляли зарделись щеки. Чтобы не смущаться сильнее, она развернулась и пошла в здание автосервиса.

– Жорж, а мое имя не звучит как мелодия? – с холодком спросила первая Ляля.

– Так вы же тезки оказались, значит, и у тебя звучит.

Кошка сверкнула желтым разрядом молний, в котором большую часть энергии составляла ревность. Ох уж эта неоднозначная ситуация между мной и кошкой, выходящая за пределы понимания нормальных отношений между людьми разного пола! На ее месте я бы тоже приревновал Лялю к какому-нибудь коту, но это не значило, что я готов к чему-то большему, кроме общения. Похоже, между нами установились крепкие платонические чувства, и это был предел нашим отношениям, потому что для нас переступить грань близости иного рода стало бы чем-то неправильным и неестественным. Если окажется, что мы не можем жить друг без друга, придется усыновить котенка и ребятенка.

– Жо-орж. – Борис тронул меня за руку, выдернув из сложных размышлений о совместном будущем. – Менты рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.